

47

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГАРРИ  
ГАРРИСОН



Молот и крест

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«АЗБУКА»

Молот и Крест

Гарри Гаррисон

**Молот и Крест**

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

**Гаррисон Г.**

Молот и Крест / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус»,  
1993 — (Молот и Крест)

ISBN 978-5-389-19418-2

Год 865-й. Британскими островами правят враждующие короли, а королями правит Церковь, беспощадно расправляясь со всеми, кто оспаривает ее власть. Только грозные викинги не боятся христианских иерархов и крепко держатся за свою веру. Молодой кузнец Шеф, рожденный знатной английской пленницей от вождя разбойников-северян, волею судьбы – а может быть, волею языческих богов – становится врагом собственного народа. Таинственный наставник, являющийся в видениях, помогает ему создавать ранее невиданное оружие. Но этого мало, чтобы одерживать победу за победой; главные союзники Шефа – его отвага и изобретательность. Шеф собирает по крупицам собственное королевство и начинает тотальную войну – войну Молота и Креста.

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19418-2

© Гаррисон Г., 1993  
© Азбука-Аттикус, 1993

## Содержание

Книга 1. Трэлл	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	62
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

# Гарри Гаррисон, Джон Холм

## Молот и крест

Harry Harrison  
The Hammer and The Cross

© 1993 by Harry Harrison  
© А. К. Смирнов, перевод, 2015  
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015  
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021  
Издательство АЗБУКА®

\* \* \*

*Qui kredit in Filium, habet vitam aeternam; qui autem incredulus est Filio, non videbit vitam, sed ira Dei manet super eum.*

*Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.*

**Евангелие от Иоанна, 3: 36**

*Angusta est domus: utrosque tenere non poterit. Non vult rex celestis cum paganis et perditis nominatenus regibus communionem habere; quia rex ille aeternus regnat in caelis, ille paganus perditus plangit in inferno.*

*Дом тесен: ему не вместить обоих. Царь Небесный не хочет водиться с проклятыми и языческими так называемыми царями; ибо только один Вечный Царь правит на небесах, а остальные проклятые язычники стонут в аду.*

**Алкуин, дьякон из Йорка, 797 г.**

*Gravissima calamitas umquam supra Occidentem accidens erat religio Christiana.*

*Величайшее бедствие, выпавшее на долю Запада, – это христианство.*

**Гор Видал, 1987 г.**





## Книга 1. Трэлл

### Глава 1

*Северо-восточное побережье Англии, 865 г.*

Весна. Рассвет на мысе Фламборо-Хед, где нагорье Йоркшир-Уолдс вдается в Северное море, как гигантский рыболовный крючок весом в миллионы тонн. Оно указывает на морской горизонт, напоминает о вечной угрозе, исходящей от северян. Теперь против этой напасти нехотя начали объединяться правители карликовых королевств, неверные и завистливые, хранящие память о давней вражде и кровавом следе, который протянулся за англами и саксами за те века, что миновали с их появления в здешних краях. Гордые разжигатели войны, что повергла Уэльс; благородные воины, которые – как рекут поэты – наследовали землю.

Тан Годвин ругался про себя, расхаживая вдоль частокола крепостицы, возведенной на самой оконечности Фламборо-Хеда. Весна! Быть может, в более счастливых краях прибавление дня и светлые вечера означают зелень, цветущие лютики и стада удоистых коров, тяжело бредущих в хлев. Здесь же, на высоте, они означают северо-восточные ветры и равноденственные шторма.

Позади Годвина выстроились в цепь кривые деревца, как повернувшиеся спиной к ветру люди, – каждое на несколько дюймов выше предыдущего; эти природные флюгеры указывали на истязаемое бурей море. С трех сторон как огромный и медлительный зверь шевелилась серая вода; волны закручивались и пластались под гнетом ветра, который утюжил даже могучие океанические валы. Серое море, серое небо да горизонт, изломанный волнами, и ни единой краски в мире, кроме тех, что проступают в россыпях брызг, когда буруны расшибаются о слоистые обрывы.

Годвин пробыл здесь так долго, что перестал слышать грохот ударов по скале и замечал их, только когда тучи брызг поднимались особенно высоко, так что вода пропитывала плащ с капюшоном и текла по лицу солеными каплями в отличие от пресных дождевых.

Да и какая разница, подумал он тупо. Все тот же холод. Можно вернуться в укрытие, расшвырять рабов и согреть у огня озябшие руки и ноги. В штормовые дни набегов не бывает. Викинги – лучшие моряки в мире, во всяком случае по их словам. Не нужно быть великим мореходом, чтобы понимать: в такую погоду лучше не высовываться.

Ветер дул с востока – нет, прикинул Годвин, с юго-востока. От Дании унесет будь здоров, но как удержать ладью, чтобы не повернула лагом? И как причаливать, если повезет доплыть? Нет, безнадежное дело. Он может спокойно посидеть у огня.

Тоскливо взглянув на хижину, кулившуюся дымком, который мгновенно относил ветром, Годвин вернулся к своему занятию – хождению по настилу. Господин хорошо его вымуштровал. «Не рассуждай, Годвин, – сказал он. – Не думай, что нынче могут нагряться, а могут и не нагряться. Не воображай, будто утрата бдительности хоть на миг – пустяк. Пока длится день, оставайся на холме, смотри в оба глаза. Иначе однажды ты подумаешь одно, а какой-нибудь Стейн или Олаф подумает другое, и окажется на берегу, и углубится на двадцать миль до того, как мы его настигнем – если вообще настигнем. А это означает потерю сотни жизней и на сотню фунтов серебра, скота и сгоревших домов. И оброк не будут платить годами. Поэтому поглядывай, тан, иначе твои же поместья и пострадают».

Так высказался его господин Элла. А позади короля черным вороном сидел над своим пергаментом Эркенберт, и его гусиное перо скрипело, выводя загадочные черные закорючки, которых Годвин боялся больше, чем викингов. «Два месяца служения на Фламборо-Хеде тану

Годвину, – возгласил он. – Нести дозор до третьего воскресенья после Ramis Palmarum»<sup>1</sup>. Чуждые слова скрепили приказ.

Ему велели смотреть, и он будет смотреть. Но он не обязан стоять трезвым, как чопорная девственница. Повернувшись по ветру, Годвин крикнул рабам, чтоб живо несли горячий пряный эль, которого он потребовал еще полчаса назад. Один мгновенно выбежал с кожаной кружкой в руке. Годвин с глубоким неудовольствием следил, как раб просеменил к частоколу и начал взбираться по лестнице на дозорные мостки. Редкий болван. Годвин держал его из-за зорких глаз, но и только. Этого человека звали Мерла. Когда-то он был рыбаком. Потом случилась лютая зима, улова не было, и он задолжал своим лендлордам – черным монахам из монастыря Беверли, что в двадцати милях отсюда. Сперва он продал лодку, чтобы покрыть долги и прокормить жену и приплод. Потом, когда деньги кончились и есть стало нечего, пришлось продать семью человеку побогаче, а в итоге и самому продаться своим бывшим лендлордам. А те ссудили Мерлу Годвину. Чертов олух! Будь он человеком чести, продался бы для начала сам и отдал деньги жениной родне, чтобы ее хоть взяли обратно. Будь он крепкого ума, продал бы первыми жену и детей, сохранив лодку. Тогда, глядишь, сумел бы выкупить их назад. Но у него ни ума, ни чести.

Годвин повернулся спиной к ветру и морю и придиричиво осмотрел полную кружку. По крайней мере, раб не прикладывался к ней. Вон как дрожит – сразу видно, что не посмел бы.

И на что же уставилась эта орясина через хозяйское плечо, разинув рот и тыча пальцем в сторону моря?

– Корабли! – возопил Мерла. – Викинги, в двух милях отсюда! Вот снова появились! Смотри, хозяин, смотри!

Годвин машинально развернулся; выругался, когда на рукав плеснуло кипятком, и вперился в тучи и дождь, куда указывал перст. Что там за точка, где облако сходится с волной? Нет, ничего. Или?.. Не рассмотреть толком. Там, вдали, волны вздымаются на двадцать футов – достаточно высоко, чтобы скрыть любой корабль, который пытается со спущенными парусами прорваться сквозь шторм.

– Я вижу их! – снова заблажил Мерла. – Два корабля, в кабельтове друг от друга!

– Лады?

– Нет, хозяин, кнорры.

Годвин швырнул кружку через плечо, свирепо впился в тощую руку раба железной хваткой и принялся бить его по лицу – ладонью, тылом кисти, промокшей кожаной перчаткой. Мерла хапал воздух и уворачивался, но не смел прикрыться.

– Говори по-английски, шлюхино отродье! И чтобы понятно было!

– Кнорр, хозяин. Это торговое судно. С глубокой осадкой, для груза. – Раб замялся, страшась и показать себя сведущим, и утаить знание. – Я отличаю по... форме носа. Это, хозяин, наверняка викинги. У нас таких судов нет.

Годвин снова уставился в море, чувствуя, как гнев отступает и сменяется леденящим комком в желудке. Сомнением. Ужасом.

– Слушай, Мерла, – прошептал он. – Мне надо знать точно. Если это викинги, я обязан созвать караулы со всего побережья, всех мужчин отсюда и до Бридлингтона. Правда, это сплошь керлы и рабы – известное дело. Если они оторвутся от своих женушек-гусынь, то невелика беда. Но я обязан сделать еще кое-что. Созвав дозорных, я отправлю гонцов в монастырь, что в Беверли, к монахам доброго Святого Иоанна – твоим господам, не забыл?

Он выдержал паузу, отметив ужас в глазах Мерлы. Тот не забыл.

– А они вызовут конных рекрутов, танов Эллы. Не дело держать их здесь, ведь пираты могут прикинуться, что идут на Фламборо, а сами, покуда таны будут морить лошадей на

---

<sup>1</sup> Полностью Dominica in Ramis Palmarum – Вербное воскресенье (лат.).



болоте, обогнут Сперн-Хед и окажутся в двадцати милях отсюда. Поэтому конница остается на месте, чтобы броситься в любую сторону, откуда придет беда. Но если я ее вызову и она помчится через ветер и дождь по прихоти дурака... Особенно если какой-нибудь викинг прошмыгнет через Хамбер<sup>2</sup>, когда никто не будет смотреть... Тогда, Мерла, мне придется туго. – Годвин заговорил резче и вздернул заморыша-раба так, что у того ноги оторвались от земли. – Но ты, клянусь всемогущим Богом на небесах, будешь жалеть об этом до конца твоих дней. А он не замедлит наступить после порки, которую тебе зададут. Но если, Мерла, там все же викинги, а я по твоей милости не доложу о них... я верну тебя черным монахам и сообщу, что от тебя никакого толку. Ну, что скажешь? Викинги там или нет?

Раб снова обратился к морю перекошенное от напряжения лицо. Он подумал, что было бы мудрее молчать с самого начала. Какое ему дело до того, что викинги разграбят Фламборо, или Бридлингтон, или сам монастырь Беверли? Они не смогут закабалить Мерлу больше, чем есть. Быть может, заморские язычники окажутся лучшими господами, чем местные христиане. Но теперь поздно раздумывать об этом. Он хорошо видит кнорры, в отличие от подслеповатого хозяина, этой сухопутной крысы.

Мерла кивнул:

– Викинги, хозяин. Два судна. В двух милях от берега на юго-восток.

Годвин ушел, выкрикивая распоряжения, созывая рабов, требуя коня, рог и свой маленький строптивый отряд мобилизованных фрименов. Мерла выпрямился, медленно дошел до юго-западного угла частокола и осторожно выглянул. Буря на миг улеглась, и обзор улучшился. Он оценил набегавшие волны и лежащую в сотне ярдов от берега туманную желтую линию – длинную, очень длинную намывную отмель, тянувшуюся вдоль пустынного, напрочь лишённого гаваней английского побережья, открытого всем водам и ветрам.

Мерла снял с частокола пригоршню мха, подбросил и проследил за направлением полета. На его изможденном лице медленно проступила мрачная улыбка.

Викинги – великие мореплаватели, но им не повезло с подветренным берегом при убийственном шторме. Их дело пропащее, если только не уляжется ветер или не вмешаются языческие боги из Валгаллы. Тем, кто на кноррах, больше не видать ни Ютландии, ни Вика.

Спустя два часа пятьдесят мужчин собрались южнее Хеда на северном конце длинной-предлинной, без единой бухты, полоски суши, которая уходила к Сперн-Хеду и устью Хамбера. Они были снаряжены для боя: кожаные джеркины и шапки, копья, деревянные щиты; несколько плотницких топоров, которыми мастерили дома и лодки; там и тут виднелись саксы – короткие мечи, подарившие имя народу, населявшему юг. И только у Годвина были металлический шлем и кольчуга, а к поясу крепился меч с латунной рукоятью.

В обычном случае эти люди, входившие в береговую охрану Бридлингтона, не рискнули бы отражать атаку закаленных воинов Дании и Норвегии. Они пустились бы наутек, прихватив пожитки и жен. А после ждали бы конных рекрутов, танов Нортумбрии, которые по долгу вступят в бой, за что и раздадут им поместья и барские дома. Ждали бы в надежде поучаствовать в травле поверженного врага и разжиться трофеями. У англичан не было такой возможности со времен битвы при Окли. А та случилась четырнадцать лет назад, на юге, в чужом королевстве Уэссексе, где творились всякие чудеса.

Тем не менее настроение людей, высматривавших кнорры, было спокойным и даже бодрым. В береговой охране почти все были рыбаками – знатоками Северного моря с его чудовищными приливами, непредсказуемыми течениями, туманами, штормами и вообще худшей погодой на свете. По мере того как прояснялось и корабли викингов безжалостно сносило к берегу, до каждого доходило то, что успел понять Мерла. Викинги обречены. Осталось лишь

---

<sup>2</sup> Эстуарий рек Уз и Трент.

наблюдать за их тщетными попытками спастись. И не потерпят ли они крушение до того, как придут конные рекруты, вызванные Годвином несколькими часами раньше, – блистательные в своих доспехах, ярких плащах и с позолоченными мечами. После чего, как рассудили рыбаки, их шансы на достойную добычу будут ничтожны. Разве что запомнить место и после тайно пройти по нему железными крючьями?.. Те, что стояли в тылу, негромко переговаривались, время от времени звучали приглушенные смешки.

– Смотри, – объяснял деревенский рив<sup>3</sup> Годвину, стоявшему в первом ряду, – ветер юго-восточный. Если поднимут парус, то смогут пойти на запад, север или юг. – Он быстро начертил на мокром песке. – Если на запад, то врежутся в нас. Если на север – в Хед. Понимаешь, коли им удастся миновать Хед, откроется путь на северо-запад, до самого Кливленда. Вот почему они пытались развернуться час назад. Уйти на несколько сот ярдов в море – и они спасены. Но они не знают о течении, а мы-то знаем. Оно дьявольски сильное, так и несет мимо Хеда. Они могут с тем же успехом грести своими... – Рив замолчал, боясь чересчур распустить язык.

– Почему они не идут на юг? – резко спросил Годвин.

– Пойдут. Они пробовали свернуть, пытались встать на якорь. Я думаю, их главный – его называют ярлом – понимает, что команда измучена. Ночка, поди, выдалась еще та. А утром ошалели, когда увидели, куда их занесло. – Рив покачал головой, испытывая некоторое профессиональное сочувствие.

– Не такие уж они хорошие моряки, – удовлетворенно заявил Годвин. – И Бог против них, проклятых язычников, осквернителей церквей.

Позади раздался возбужденный гул, помешавший риву сболтнуть лишнее. Оба оглянулись.

На тропе, тянувшейся за линией прилива, появился конный отряд в дюжину душ. «Рекруты? – подумал Годвин. – Таны из Беверли?» Нет, танам никак не поспеть. Небось, еще только седлают коней. Однако предводитель был из благородных. Здоровый, крепкий, белокурый, с ярко-синими глазами и статью человека, который никогда не возделывал землю ради пропитания. Под дорогой алой накидкой, на пряжках и на вершии меча сверкало золото. Рядом сидела в седле его уменьшенная младшая копия – несомненно, сын. А с другого боку еще один юнец – высокий, с воинской выправкой, но смуглый и бедно одетый: в рубаху и шерстяные портки. Грумы держали под уздцы коней полудюжины лучше вооруженных, опытных мужей – то была свита, личный отряд богатого тана.

Незнакомый вожак поднял пустую ладонь.

– Мы не знакомы, – сказал он. – Я Вульфгар, тан восточных англосаксов короля Эдмунда.

Толпа зашумела – заинтересованно, но на грани враждебности.

– Вы спросите, что я тут делаю. – Он указал на берег. – Я ненавижу викингов. Знаю о них, как мало кто иной. И как мало кто иной сожалею об этом. На моей родине, в Норфолке за Ушем, я возглавляю береговую охрану по приказу короля Эдмунда. Но мне давно стало ясно, что нам не избавиться от этих подонков, куда мы, англичане, сражаемся порознь. Я убедил в этом моего короля, и он снесся с вашим. Они условились, чтобы я поехал на север и побеседовал с мудрецами Беверли и Эофорвика насчет дальнейших действий. Сегодня ночью я заблудился, а утром встретил ваших посыльных, спешивших в Беверли. Я прибыл на помощь. – Он помолчал, затем осведомился: – Согласны ли вы?

Годвин медленно кивнул. Мало ли что наплел неотесанный рив – викинги могут добраться до берега. И если эта орда высадится, вооруженный отряд придется очень кстати.

– Добро пожаловать.

Вульфгар кивнул с подчеркнутым удовлетворением.

– Я один поспел вовремя, – заметил он.

---

<sup>3</sup> Представитель английской королевской власти на местах; также управляющий средневековым имением.

В море же разыгрывался предпоследний акт драмы. Один кнорр обогнал другой на пятьдесят ярдов – команда либо устала, либо меньше слушалась шкипера. Теперь ей предстояло поплатиться за это. Судно развернуло, голая мачта страшно накренилась. Наблюдатели вдруг увидели, как желтая полоса подводной отмели очутилась за корпусом. Лежавший на палубе экипаж вмиг очутился на ногах и заполошно забегал, хватаясь за весла и тыча имя за борт в попытке отвести судно и выгадать еще несколько минут жизни.

Слишком поздно. Поняв это, викинги издали отчаянный вопль, слабо донесшийся через воду; на берегу англичане вторили возбужденным гулом. Пошла волна, огромная, седьмой вал, который всегда выкатывается на берег дальше других. Внезапно кнорр вознесся на этом валу, накренился, и бочки, ящики вперемешку с людьми посыпались в подветренные шпигаты. Затем волна ушла, и кнорр звучно обрушился на плотный песок и гальку. Настил разлетелся, мачта запуталась в такелаже; на миг обозначился человек, отчаянно вцепившийся в узорный нос, имевший вид дракона. Потом все накрыла очередная волна, а когда схлынула, остались лишь плавающие обломки.

Рыбаки кивнули. Некоторые перекрестились. Добрый Господь рано или поздно подвергнет их той же участи, если уберезет от викингов. Они погибнут по-мужски, с холодной солью во рту, с кольцами в ушах – надо же расплатиться с милосердными незнакомцами за свое погребение. Теперь искушенному капитану осталось испробовать только одно.

Экипаж уцелевшего судна так и решил: не дожидаться гибели и прорываться на юг при ветре на траверзе, забирая по возможности на восток. За рулевым веслом вдруг возник человек. Даже за два фарлонга наблюдатели различили его рыжую бороду, ходившую ходуном, пока он яростно выкрикивал приказы, чьи отголоски далеко разлетались над водами. Люди держались за снасти, выжидая. Обрывок паруса взмыл, мгновенно поймал ветер и надулся. Судно неумолимо поволокло к берегу; последовали новые приказы, рея развернулась, и корпус накренился по ветру. Через несколько секунд кнорр прочно лег на новый курс, набирая скорость и широко рассекая воду; он мчался от Фламморо-Хеда по направлению к Сперн-Хеду.

– Уходят! – вскричал Годвин. – По коням!

Он отшвырнул грума, вскочил в седло и припустил галопом. Вульфгар, приезжий тан, отставал лишь на пару шагов, а свита обоих предводителей беспорядочно растянулась. Задержался только смуглый малый, прибывший с Вульфгаром.

– Ты не спешишь, – заметил он неподвижному риву. – Почему? Не хочешь их догонять?

Рив осклабился, нагнулся, взял щепотку песка и подбросил в воздух.

– Пусть попробуют спастись, – молвил он. – Больше-то делать нечего. Но далеко они не уйдут.

Повернувшись кругом, он велел двум десяткам мужчин остаться и осмотреть берег – нет ли среди обломков выживших. Другие двадцать снялись с места и устремились за танами. Остальные, сбившись в кучу, целеустремленно затрусили вдоль берега за уходившим судном.

Через несколько минут даже неопытным морякам стало ясно то, что рив понял сразу. Шкиперу викингов не суждено было выиграть в этой схватке. Он уже дважды пытался направить судно в море, и двое присоединились к рыжебородому у рулевого весла. Остальная команда разворачивала рею, покуда снасти не застонали на ветру. Оба же раза огромные волны беспощадно накатывали на носовую часть, креня и понуждая развернуться кнорр, и корпус дрожал от мощи враждебной стихии. И вновь шкипер пытался установить судно параллельно береговой линии, прибавить ходу и сделать очередной рывок к спасительному морскому простору.

Но встал ли кнорр параллельно? Даже неискушенным Годвину и Вульфгару было теперь понятно, что положение изменилось: усилился ветер, окрепли волны и прибрежное течение не выпускало днище из своей хватки. Рыжебородый все правил веслом, все распоряжался о

каком-то новом маневре, и «корабль кольцегрудый по равнине волн»<sup>4</sup>, как выразился скальд, по-прежнему продвигался вперед, но его нос поворачивался дюйм за дюймом и фут за футом, а желтая линия угрожающе приближалась, и было ясно, что вот-вот...

Удар. Только что кнорр несся стрелой, и вот он врезался носом в неподатливую гальку. Мачта мигом переломилась и рухнула вперед, задавив половину команды. Уложенные внакрой доски разошлись, впуская кипучее море. В мгновение ока судно раскрылось, как цветок. А потом исчезло; лишь обломки закачались на волнах, обозначив место, где оно только что было.

Рыбаки затрепетали от алчности: на сей раз крушение случилось довольно близко от берега! И голова видна среди мусора. Рыжая голова.

– Никак хочет выплыть? – спросил Вульфгар.

Теперь человека было хорошо видно. Он находился в пятидесяти ярдах, держался смирно и не пытался плыть, следя за огромными волнами, которые накатывали на берег, где разбивались вдребезги.

– Хочет попробовать, – ответил Годвин и дал людям знак, чтобы шли к воде. – Если сумеет, мы его схватим.

Рыжебородый решился и поплыл вперед, рассекая воду мощными взмахами рук. Он видел, что его настигает огромный вал. Вот море подняло викинга и швырнуло к берегу; он вытянулся на подъеме волны, словно надеялся воспарить и приземлиться, как невесомая белая пена, которая подобралась почти вплотную к кожаным сапогам танов. Десяток махов – и вот он здесь; наблюдатели запрокинули головы, следя, как пловец возносится на самый гребень. Затем волна, бежавшая впереди, отступила и пресекла его продвижение великим водоворотом песка и камня; гребень распался, низверг рычащего человека, покатило его, беспомощного. Отступая, вода потащила рыжего назад.

– Взять его! – заорал Годвин. – Шевелитесь, хороняки! Он вас пальцем не тронет!

Два рыбака бросились в волны, подхватили бородача под руки и понесли. Викинг бесильно висел промеж них.

– Живой, – удивленно буркнул Вульфгар. – Я думал, волна сломала ему хребет.

Ноги рыжебородого коснулись земли. Он огляделся; увидел, что подступило восемьдесят человек, и вдруг оскалил белоснежные зубы.

– Надо же, какой прием, – хмыкнул бородач.

Он повернулся, удерживаемый своими спасателями, уперся краем ступни одному в голень и приналег всем весом до упора. Рыбак взревел и выпустил мускулистую руку. Та моментально описала дугу, и пальцы погрузились в глазницы второго, который еще держал. Тот тоже завопил и упал на колени, между пальцами хлынула кровь. Викинг выхватил из-за пояса тесак, шагнул вперед, сграбастал ближайшего англичанина одной рукой и распорол его до горла другой. Когда товарищи рыбака с криками отшатнулись, викинг вцепился в копьё, метнул нож и выхватил из руки упавшего сакс. Сердце едва ударило десять раз с того мгновения, как ноги рыжего коснулись земли, а он уже в центре полукруга мужчин, которые пятились прочь, кроме тех двоих, что остались лежать.

Он вновь показал зубы, с диким хохотом запрокинув голову.

– Давайте! – воскликнул он гортанным голосом. – Я один, вас много. Сразитесь с Рагнаром. Кто самый смелый? Ты будешь первым? Или ты? – Он ткнул копьем в сторону Годвина и Вульфгара, которые теперь стояли отдельно, разинув рты, тогда как рыбаки продолжали отступать.

– Придется нам его успокоить, – пробормотал Годвин, извлекая меч. – Жаль, нет щита.

Вульфгар присоединился к нему, оттолкнув белокурого паренька, что стоял в шаге позади.

---

<sup>4</sup> «Беовульф». Перев. В. Тихомирова.

– Уйди, Альфгар. Мы обезоружим его, а деревенщина добьет.

Два англичанина шагнули с мечами наголо к викингу; осклабясь, тот поджидал по щиколотку в кровавой воде.

Затем вдруг устремился в атаку с быстротой остервеневшего вепря. Растерявшийся Вульфгар отпрянул и оступился. Викинг промахнулся левой рукой, но изготовил правую для убийственного удара.

Что-то свалило его с ног и потащило назад. Он отчаянно сопротивлялся, силился высвободить руку, кувыркаясь на мокром песке. Рыбацкая сеть. Рив и еще двое прыгнули вперед, ухватились за просмоленные веревки и затянули. Один выхватил из руки запутавшегося викинга сакс, второй что было силы топнул по пальцам, сжимавшим копье, сломал и кости, и древко. Беспомощного Рагнара спеленали быстро и ловко, как морскую собаку или сельдиевую акулу, после чего рыбаки выпрямились и стали ждать распоряжений.

Вульфгар переглянулся с Годвином и подошел хромя.

– Ну-ка, кого это мы выловили? – проворковал он. – Что-то подсказывает мне: это не простой скипер, которому изменила удача.

Он осмотрел и пощупал одеяние пленного.

– Козлиная шкура, – объявил Вульфгар. – Просмоленная козлиная шкура. Он назвался Рагнаром. Мы схватили самого Лодброка. Рагнара Мохнатые Штаны.

– Не нам с ним разбираться, – произнес Годвин среди общего молчания. – Нужно отправить его к королю Элле.

Вмешался смуглый малый – тот, что расспрашивал рива.

– К королю Элле? – переспросил он. – Я думал, Нортумбрией правит Озберт.

С утомленной учтивостью Годвин повернулся к Вульфгару.

– Не знаю, как вы воспитываете своих норфолкцев, – заметил он. – Но брякни такое мой человек, я вырвал бы ему язык. Конечно, если он не из твоей родни.

Костяшки пальцев Вульфгара побелели на рукояти меча.

В темной конюшне никто не мог видеть смуглого юношу. Он уткнулся лицом в седло и обмяк. Спина горела огнем, заскорузлая от крови шерстяная рубаха причиняла боль при каждом движении. Никогда еще его не избивали так сильно, а доставалось ему часто, очень часто – и ремнем пороли, и веревкой хлестали, перегнув через лошадиные ясли во дворе дома, который он называл своим.

Юноша знал, за что наказан: за слова о родстве. Он надеялся, что чужаки не слышали его воплей. Под конец парень лишился дара речи. Сохранилось мучительное воспоминание о том, как он выполз на божий свет. Затем долго ехал через Уолдс, пытаясь держаться прямо. Что хорошего в Эофорвике? Легендарный город, обитель давно ушедших, но по-прежнему загадочных римлян и их легионов, воспламенял его живое воображение больше, чем победные песни менестрелей. И вот он здесь, но все, чего ему хочется, – бежать.

Когда же он избавится от отцовской вины? От ненависти отчима?

Шеф взял себя в руки и потянул за тяжелые ремни, расстегивая подпругу. Он был уверен, что вскоре Вульфгар переведет его в настоящие рабы, с железным ошейником, и, презрев жалкие протесты матери, продаст на рынке в Тетфорде или Линкольне за приличные деньги. В детстве Шефа тянуло к деревенской кузнице – там он скрывался от оскорблений и побоев. К тому же его привлекал огонь, да и нравилось помогать кузнецу – раздувать меха, держать клещи, лупить молотом по заготовке. Ковать свои собственные орудия. Собственный меч.

В рабстве обо всем этом придется забыть. Возможно, сейчас самое время податься в бега. Невольникам иногда удавалось скрыться. Чаше не удавалось.

Он снял седло и осмотрелся в незнакомой конюшне – куда бы положить? Дверь отворилась, впустила свет, за ним – свечу и знакомый холодный, пренебрежительный голос Альфгара.

– Еще не закончил? Бросай все, я пришлю грума. Отца призвали на совет с королем и важными особами. Ему нужен слуга, чтобы подливал эль. Мне это не с руки, а его свитские слишком горды. Ступай, живо. Тебя ждет королевский тан-камергер. Он скажет, что делать.

Шеф, слишком обессиленный, чтобы идти прямо, выбрался в сумерки весеннего вечера и поплелся во двор королевского дворца – величественного деревянного здания, построенного за старинным римским крепостным валом. И все же в сердце зародился жар волнения. Совет? Важные особы? Они будут решать судьбу пленника, могучего воина. Найдется что рассказать Годиве – такого в Эмнете не знает ни один умник.

– И помалкивай, – прошипели ему вслед из конюшни. – Иначе и впрямь останешься без языка. И еще запомни: сейчас король Нортумбрии – Элла. И ты не родня моему отцу.



## Глава 2

– Итак, мы полагаем, что это Рагнар Лодброк? – обратился к совету король Элла. – Но не знаем наверняка.

Он свысока посмотрел на длинный стол, за которым расположилось с десяток мужей – все на низких стульях, за исключением самого короля, восседавшего на внушительном резном троне. Большинство было одето, как он или как Вульфгар, занявший место ошуюю Эллы: яркие цветастые плащи, которые защищали от сквозняков, проникавших через щели в затворенных ставнях и колебавших пламя просаленных факелов; золото и серебро на запястьях и крепких шеях; запоны, пряжки и тяжелые перевязи. Это была военная аристократия Нортумбрии, правители обширных земель на юге и востоке королевства – те самые люди, которые возвели на трон Эллу и свергли его соперника Озберта. Им было неудобно на стульях, как и любому, кто провел жизнь на ногах или в седле.

У противоположного края стола расположились еще четверо, как бы нарочно обособившись. Трое были одеты в черные сутаны с капюшонами, какие носили монахи-бенедиктинцы; четвертый был в пурпурно-белом епископском облачении. Они сидели непринужденно, навалившись на стол, готовые записать стилем на восковой табличке все, о чем пойдет речь, или же втайне поделить друг с другом мыслями.

Ответить на королевский вопрос взялся Катред, начальник личной охраны.

– Мы не нашли никого, кто знал бы Рагнара в лицо, – сообщил он. – Все, кому выпало повстречаться с ним в бою, мертвы. Кроме примкнувшего к нам благородного тана короля Эдмунда, – учтиво добавил он. – Смерть этих людей не доказывает, что в наши руки угодил Рагнар Лодброк. Но я все же думаю, это он. Во-первых, пленник молчит. Я умею разговорить человека, и тот, кто упорно не раскрывает рта, не простой пират. Наш викинг явно считает себя важной птицей. Во-вторых, все сходится. Чем занимались эти разбойники? Они возвращались с юга; их снесло с курса; они много дней не видели ни солнца, ни звезд. Иначе такие мореходы – а бридлингтонский рив утверждает, что они знали свое дело, – не угодили бы в подобный переплет. И это были грузовые суда. А какие грузы возят на юг? Рабов. Там не нужны ни шерсть, ни меха, ни эль. Это были работорговцы, возвращавшиеся из южных краев. Наш забияка – работорговец с высоким положением, и это похоже на Рагнара. – Катред, утомленный своим ораторством, хорошенько приложился к кружке. – И есть еще одно обстоятельство, которое вселяет в меня уверенность. Что нам известно о Рагнаре? – Он оглядел собравшихся. – Правильно: он негодяй.

– Этот негодяй осквернял церкви, – подал голос с конца стола архиепископ Вульфхер. – Насиловал монахинь. Похищал Христовых невест. Грехи, несомненно, изобличат его.

– Разумеется, – согласился Катред. – Но вот что я слышал о нем, и только о нем, а не обо всех осквернителях и насильниках, какие сыщутся в мире. Рагнар отлично умеет добывать сведения. Он похож на меня: мастер развязывать языки. А делает он это, насколько я знаю, вот как. – В голосе капитана обозначился профессиональный интерес. – Поймав кого-нибудь, Рагнар не толкует с ним, не спорит, а сразу выкалывает глаз. Затем, все так же без слов, нацеливается на второй. Если бедняге приходит на ум что-то важное для Рагнара, пока тот примеривается, то его счастье. Если нет – дело плохо. Говорят, так Рагнар извел прорву людей, но кто считает деревенщину? Для изверга лишь бы сберечь время и силы.

– И в ходе дружеской беседы двух умельцев наш пленник признался, что разделяет этот взгляд? – Это заговорил черный монах, и голос был исполнен высокомерия.

– Нет. – Катред хлебнул еще эля. – Но я видел его ногти. Все коротко острижены. Кроме того, что на большом пальце правой руки. Этот с дюйм. Твердый, как сталь. Я прихватил его. – Капитан бросил на стол окровавленный ноготь.

– Значит, это Рагнар, – молвил король Эллы в наступившей тишине. – Как мы поступим с ним?

Воины озадаченно переглянулись.

– То есть голову отрубить мало? – дерзнул спросить Катред. – Лучше повесить?

– Или хуже? – вставил другой нобль. – Обойтись, как с беглым рабом? Может быть, монахи... Что там была за история со святым... как бишь его? Которого на решетке поджарили? – Фантазия иссякла, и он умолк.

– У меня другая мысль, – сказал Эллы. – Мы можем его отпустить.

Все оцепенели. Король подался вперед со своего трона, поочередно обращая ко всем живое лицо и острый взгляд.

– Подумайте. Почему я король? Я король потому, что Озберт... – Запретное имя вызвало оторопь у внимавших и ввергло в дрожь слугу с исполосованной спиной, стоявшего за Вульфгаром. – Потому что Озберт не сумел защитить королевство от набегов викингов. Он сделал то же, чем мы занимались всегда. Велел всем и каждому держать ухо востро и обороняться самостоятельно. И мы получили десять кораблей, с которых высадились полчища, творившие в городе все, что им вздумается. Остальные города и приходы бездействовали и молили Господа об избавлении от лютой участи. А что сделал я? Вы знаете: я вернул всех дозорных, оставив только заставы; обзавелся конницей, разместил в важнейших местах верховых рекрутов. Теперь, если на нас нападут, мы в состоянии ответить, пока враг не углубится в страну, и преподать ему урок. Я думаю, что нужно действовать по-новому. Мы можем отпустить Рагнара. Предлагаю заключить с ним сделку: пускай отправляется восвояси и впредь держится подальше от Нортумбрии, а вместо себя оставит заложников. До их прибытия будем содержать его как высокого гостя, а после отошлем с богатыми подарками. Нам это обойдется недорого, сэкономим куда больше. К тому времени, когда его обменяют, он оправится от беседы с Катредом. Что скажете?

Воины переглядывались, удивленно вскидывая брови и качая головами.

– Может получится, – буркнул Катред.

Вульфгар откашлялся с явным неудовольствием на побагровевшем лице, но заговорить не успел – вмешался черный монах:

– Милорд, так нельзя.

– Нельзя?

– Недопустимо. У вас есть и другой долг, помимо мирского. Наш преподобный отец и бывший брат архиепископ напомнил о гнусном разбое сего Рагнара. Злодеяния, учиненные над нами как христианами и людьми, мы должны простить. Но за преступления, совершенные против Святой Церкви, мы обязаны отомстить со всем пылом наших сердец. Сколько храмов спалил этот Рагнар? Сколько мужчин и женщин угнал, дабы продать язычникам и хуже – последователям Магомета? Сколько драгоценных святынь уничтожил? И сколько похитил священных даров? Ты согрешишь против своей души, если простишь сии дела. Обречешь на вечные муки всех, кто сидит за этим столом. Нет, король, отдай его нам. Дай показать, какая кара уготовлена тем, кто оскорбляет Мать-Церковь. И когда вести об этом достигнут язычников, этих заморских разбойников, да узнают они, что десница Матери-Церкви настолько же тяжела, насколько бесконечна ее милость. Позволь нам посадить его в змеиную яму. Пусть разойдется молва о гадах короля Эллы.

Король совершенно растерялся. Не успел он открыть рот, как остальные монахи с архиепископом во главе выразили решительное согласие, а воины загудели, исполнившись удивления, любопытства и одобрения.

– Ни разу не видел, как человека сажают к змеям, – признался Вульфгар, сияя от счастья. – Вот чего заслуживает всякий викинг. Я так и передам моему королю и восхваляю мудрость и изобретательность короля Эллы.

Встал черный монах, державший речь, – грозный архидиакон Эркенберт.

– Змеи готовы. Доставьте к ним пленника. И пусть придут все – советники, воины, слуги, – дабы узреть гнев и отмщение короля Эллы и Матери-Церкви.

Совет поднялся, и Элла тоже встал; его лицо еще туманилось сомнением, но быстро прояснилось при виде единства подданных. Нобли потянулись к выходу, сзывая слуг, друзей, жен и подруг полюбоваться на нечто новенькое. Шеф, уже собравшийся пойти за отчимом, в последний миг оглянулся и увидел, что черные монахи остались у стола.

– Зачем ты это сказал? – негромко осведомился у архидиакона архиепископ Вульфхер. – Мы же платили викингам дань, не нанося вреда нашим бессмертным душам. Зачем ты заставил короля отправить Рагнара к змеям?

Монах полез в кошель и, повторив жест Катреда, бросил на стол какой-то предмет. Затем второй.

– Что это, милорд? – спросил он.

– Монета. Золотая. С образами нечестивых служителей Магомета!

– Ее изъяли у пленника.

– Ты хочешь сказать, в Рагнаре слишком много зла, чтобы оставить его в живых?

– Нет, милорд. Я спрашиваю про вторую монету.

– Это серебряное пенни. Видишь, на ней мое имя: Вульфхер. Монета отчеканена здесь, в Эофорвике.

Архидиакон вернул обе монеты в кошель.

– Прескверное пенни, милорд. Серебра мало, а свинца много. Но это все, что нынче может позволить себе Церковь. Наши рабы бегут, крестьяне не платят десятину. Даже нобли смеют платить нам сущие гроши. А кошельки язычников набиты золотом, похищенным у истинно верующих. Церковь в опасности, милорд. Конечно, мы выстоим, как бы ни было тяжело, и язычникам не сокрушить ее. Но плохи наши дела, если язычники и христиане поладят, ибо тогда им откроется, что мы не нужны. Нельзя допустить, чтобы они договорились.

На это кивнули все, даже архиепископ.

– Быть посему. Бросить его к гадам.

Змеинная яма представляла собой древний каменный резервуар, сохранившийся с римских времен; над ним спешно воздвигли хилую крышу, защиту от дождя. Монахи из Минстера – монастыря Святого Петра, что в Эофорвике, – пеклись о своих питомцах, блестящих гадах. По их многочисленным вотчинам в Нортумбрии все лето гулял приказ: ищите ядовитых тварей, отслеживайте в вересковых пустошах, где они греются на солнышке; несите сюда. Солидная скидка по ренте, солидная скидка по десятине за футовую змею, а за полуторафутовую – еще больше, и несоизмеримо щедрее – за старых гадов, уже обзаведшихся внуками. Недели не проходило без того, чтобы *custos viperarum* – хранитель змей – не получал корчащегося мешка, за содержимым которого любовно ухаживали, кормили лягушками и мышами, а также другими змеями, дабы росли. «Дракону не стать драконом, пока не отведают сородича, – говаривал братьям змеевод. – То же, небось, и к нашим гадюкам относится».

Сейчас мирская братия расставляла по стенам каменного двора факелы, пламя которых разгоняло вечерние сумерки; вносила мешки с теплым песком и соломой для ямы, чтобы расшевелить и разозлить змей. И вот прибыл кастос, довольно улыбающийся и сопровождаемый артелью послушников, которые гордо – но и с опаской – несли шипящие жуткие кожаные мешки. Кастос брал их поочередно, показывал толпе, уже устроившей давку вокруг низкой стены резервуара, и медленно вываливал извивающихся обитателей в яму. Всякий раз он перемещался на пару шагов, чтобы змеи распределялись равномерно. Покончив с делом, кастос отступил на край прохода для знатных лиц, который оцепили крепкие ребята из личной охраны короля.

Наконец появились король, советники с телохранителями и в самой гуще – пленник. У воинов Севера существовало присловье: мужчина не должен хромать, пока ноги равной длины. Рагнар не хромал, и все же ему было трудно держаться прямо. Катред обошелся с ним сурово.

Дойдя до ямы, сильные мира отпрянули, и пленник увидел, что его ждет. Он оскалил сломанные зубы; запястья были стянуты за спиной, и дюжие стражи держали его за руки. Рагнар оставался в странном мохнатом одеянии из просмоленной козлиной шкуры, которому и был обязан прозвищем. К нему протолкнулся архидиакон Эркенберт.

– Это змеиная яма, – сообщил он.

– Орм-гарт, – поправил его Рагнар.

Духовное лицо перешло на простой английский, которым изъяснялось купечество:

– Имей в виду, у тебя есть выбор. Если станешь христианином, будешь жить. Рабом, конечно. Тогда никакого орм-гарта. Но ты должен принять христианство.

Викинг презрительно скривил рот. Он ответил на том же торговом языке:

– Вы жрецы. Знаю я вас. Говорите, я буду жить. Рабом, говорите. Как – не говорите, но я знаю. Ни глаз, ни языка. Жилы на ногах перерезаны, не ходить.

Он произнес нараспев:

– Я сражался тридцать зим, я всегда разил мечом. Четыреста мужей убил, тысячу женщин взял силой, много сжег монастырей, много приплода продал. Море слез пролилось из-за меня, я же сам никогда не лил слез. Вот я пришел к орм-гарту, как Гуннар, рожденный богом. Твори свое зло, пусть сверкающий гад ужалит меня в сердце. Я не попрошу милости. Я всегда разил мечом!

– Давайте живее! – рыкнул сзади Элла.

Стражи начали подталкивать пленника.

– Стойте! – вмешался Эркенберт. – Сперва свяжите ему ноги.

Рагнар не сопротивлялся; его туго связали, подтащили к краю, поставили на стену и – оглянувшись на толпу, которая напирала, но безмолвствовала, – столкнули. Он пролетел несколько футов и грузно приземлился в самый змеиный клубок. Гады сразу зашипели, набросились.

Человек в мохнатой куртке и кожаных штанах расхохотался.

– Да им не прокусить, – раздался разочарованный голос. – Одежда слишком толстая.

– Могут укусить в лицо или руку, – возразил змеевод, обидевшись за своих питомцев.

Одна здоровенная гадюка и впрямь находилась в считанных дюймах от лица Рагнара, и они смотрели друг другу в глаза, и раздвоенный змеиный язык чуть не касался человеческого подбородка. Затянулась пауза.

Затем пленник вдруг раскрыл рот и резко двинул головой. Забились кольца, брызнула кровь; змея лишилась башки. Викинг снова зашелся смехом. И начал медленно перекачываться, помогая себе связанными руками и ногами.

– Он давит змей! – в панике заверещал кастос.

Разозлившийся Элла шагнул вперед и щелкнул пальцами.

– Ты и ты. У вас прочные сапоги. Полезайте и вытащите его. Я этого не забуду, – тихо добавил он расстроенному Эркенберту. – Ты выставил нас на посмешище. – И снова принялся отдавать распоряжения: – Развяжите ему руки и ноги, срежьте одежду и снова свяжите его. Вы двое, ступайте за горячей водой. Змеи любят тепло. Если мы согреем ему кожу, они потянутся. И вот еще что. Сейчас он замрет, чтобы помешать нам. Примотайте одну руку к туловищу и привяжите к другой веревку. Тогда мы его расшевелим.

Пленника вынули из ямы, раздели и снова связали; он между тем улыбался и молчал. На сей раз спуском руководил сам король, выбиравший место, где змеи скопились погуще. Те мигом поползли к человеческому телу, от которого на морозце шел пар, и начали свиваться

в кольца поверх. Женщины и слуги восклицали, глядя с отвращением, как жирные гадюки скользят по голой коже северянина.

Затем король дернул за веревку, еще и еще. Рука задвигалась, гадюки зашипели; потревоженные напали, вкусили плоти, атаковали опять, наполняя тело лежащего ядом. Устрашенные зрители смотрели, как его лицо медленно, очень медленно меняется: распухает, синееет. Когда же глаза полезли из орбит, а язык распух, викинг снова заговорил:

– Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi.

– Что он сказал? – зашумели в толпе. – Что это значит?

«Я не знаю норвежского, – подумал Шеф, глядя со своего места. – Но мне понятно, что добра ждать не следует».

«Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi». Спустя недели и за сотни миль на восток эти слова звучали в памяти могучего человека, который стоял на носу ладьи, мягко скользившей к зеландскому берегу. Услышаны они были по чистой случайности. Говорил ли Рагнар сам с собой? Или знал, что кто-нибудь услышит, поймет и запомнит? Было крайне маловероятно, чтобы при английском дворе нашелся человек, знающий норвежский – по крайней мере, знающий достаточно, чтобы понять эту фразу. Но умирающим свойственны прозрения. Быть может, человек, стоя на пороге смерти, способен видеть будущее. Не исключено, Рагнар знал или догадывался, какое действие возымеет сказанное им.

Но если эти судьбоносные слова были из тех, что всегда найдут, кому их произнести, то они выбрали причудливый путь до ушей силача. В толпе, скопившейся вокруг орм-гарта, стояла женщина, наложница английского нобля, – лемман, как называют таких англичане. И до того, как господин приобрел ее на лондонском невольничьем рынке, она занималась тем же при дворе ирландского короля Мэла Сехнейла, где многие говорили по-норвежски. Она услышала викинга и поняла. Ей хватило ума не доложить господину, ибо глупые лемман не доживали до лет, когда поблекла бы их красота; но она шепнула своему тайному любовнику – торговцу, отправлявшемуся на юг. Он передал эти слова команде судна. А в ней был беглый раб, в прошлом рыбак. Этот человек особо заинтересовался услышанным, так как был очевидцем пленения Рагнара на побережье. В Лондоне, сочтя себя в безопасности, раб сложил о поимке викинга историю, которую за кружку эля и ломоть ветчины рассказывал в прибрежных кабаках, где привечали всех, будь они англичанами или франками, фризами или датчанами, коль скоро их серебро было годным. И однажды притча достигла ушей северянина.

Раб был дураком, человеком без чести. Он видел в смерти Рагнара лишь необычное и забавное происшествие.

Бранд, великан из ладьи, увидел в ней гораздо больше. Поэтому он и принес новости.

Сейчас лодка скользила по длинному фьорду, направляясь к равнинной изобильной Зеландии – самому восточному из датских островов. Ветра не было; парус на рее был уложен, и тридцать гребцов вздымали весла ровно, без спешки, в манере опытных мореходов; рябь, порожденная их продвижением через морскую гладь, добегала до берега, лаская песок. В пышных лугах бродили коровы; вдалеке раскинулись густые посевы ржи.

Бранд понимал, сколь обманчивы эти идиллические картины. Он пребывал в покойном центре величайшей северной бури, и мир обеспечивался лишь сотнями миль истерзанного войной моря и пылающим побережьем. По пути сюда его трижды остановил морской патруль – тяжелые военные суда, не предназначенные для открытых морей и набитые людьми под завязку. Бранда пропускали, наблюдая с веселым интересом: занятно же посмотреть на человека, испытывающего судьбу. Даже сейчас следом шли два корабля вдвое больше его ладьи – чтобы не улизнул. И он, и его команда знали, что худшее впереди.

Позади кормчий передал кому-то рулевое весло и поспешил в носовую часть. Он постоял за спиной шкипера, едва достававшего великану до лопатки, после чего заговорил – негромко, чтобы не подслушали даже ближайшие гребцы.

– Ты знаешь, что я не из тех, кто спорит с решениями. Но раз мы здесь и засунули свое естество в самое осиное гнездо, то, может быть, скажешь зачем?

– Коль скоро ты до сих пор не спрашивал, – ответил Бранд так же тихо, – я назову три причины на выбор. Первая: мы можем покрыть себя неувядающей славой. Сочинители саг и поэты будут рассказывать об этом вплоть до Последнего Дня, когда боги сразятся с гигантами и в мир сойдет выводок Локи.

Кормчий усмехнулся:

– Ты славен и без того, первый среди мужей Холугаланда. А люди говорят, что с выводком Локи мы и так встретимся. Уж с одним из этого выводка – точно.

– Тогда вот тебе вторая причина: человек, который поведал нам эту историю, – бывший раб, сбежавший от христианских монахов. Ты видел спину этого несчастного? Его хозяева заслуживают всех скорбей мира, и я могу их насладить.

На сей раз кормчий громко, но почтительно рассмеялся:

– Ты видел хоть раз человека, уцелевшего после беседы с Рагнаром? А мы направляемся к тем, кто еще хуже. Особенно один. Пожалуй, он и монахи Христа достойны друг друга. Хорошо, что же еще?

– Стейнвульф, я назову тебе третью причину. – Бранд бережно приподнял висевший у него на шее серебряный амулет и снова уложил поверх котты: то был двуглавый молот с короткой рукоятью. – Меня попросили об этом под видом услуги.

– Кто попросил?

– Тот, кого мы оба знаем. Во имя того, кто явится с севера.

– Ах вот как. Что ж, для нас двоих это неплохо. Может быть, и для всех. Но я собираюсь кое-что предпринять, пока мы не слишком приблизились к берегу.

С этими словами кормчий демонстративно спрятал под котту собственный амулет и поднял ворот так, чтобы исчезла цепочка.

Бранд медленно сделал то же самое, повернувшись к экипажу. Устойчивый ритм работы весел мгновенно нарушился. Гребцы попрытали свои амулеты. Затем плеск возобновился.

Впереди уже виднелся мол, на котором сидели и ходили люди; они не смотрели на приближавшуюся боевую ладью и выказывали полнейшее безразличие. Дальше вздымалось огромное здание – «дракон-холл», похожий на перевернутое судно; позади и вокруг него теснились сараи, ночлежки, роульсы, лодочные доки, кузницы, лавки, канатные мастерские, загон для скота и рабов. Здесь было сердце морской империи, обитель мужей, готовых осаждать королевства; временное пристанище воинов-бродяг.

Человек, сидевший на самой оконечности мыса, поднялся, зевнул, от души потянулся и глянул в другую сторону.

Опасность. Бранд повернулся, чтобы командовать. Двое его людей, стоявших у фалов, вознесли на мачту щит со свеженамалеванным белым символом мира. Еще двое бросились вперед, ослабили на носовых нагелях оскаленную драконью голову, осторожно отвернули ее от берега и укутали холстиной.

На берег вдруг высыпали еще люди; теперь все смотрели на ладью. Они не приветствовали гостей, но Бранд знал: если бы он пренебрег церемонией, прием оказался бы совершенно другим. При мысли о том, что могло случиться – что все еще может случиться, – у Бранда противно засосало внизу живота, как будто его мужское достоинство пыталось втянуться внутрь. Боясь выдать свою слабость, он отвернулся от берега. Едва он покинул колыбель, ему твердили: «Никогда не показывай страх. Никогда не показывай боль». Он ставил это правило превыше жизни.



Знал Бранд и то, что неуверенность сейчас крайне опасна. Он собирался раздражить грозных хозяев, вовлечь их в свою игру и не просить, а дерзко требовать.

Он намеревался действовать столь возмутительно и при таком скоплении народа, что хозяевам ничего другого не останется, как принять вызов. Сей план не допускал полумер.

Когда ладья ткнулась в мол, взлетели канаты; они были пойманы и намотаны на швартовые тумбы с прежней нарочитой беспечностью. Со своего возвышения в ладью смотрел мужчина. Будь дело в торговом порту, он бы спросил, что за груз, как зовут владельца и откуда прибыло судно. Но он лишь вопросительно поднял бровь.

– Бранд. Из Англии.

– Мало ли на свете Брандов.

Два члена экипажа, повинуясь знаку шкипера, перебросили на мол сходни. Бранд сошел, заткнув большие пальцы за пояс, и остановился перед начальником порта. Теперь уже он смотрел свысока. Весьма свысока. Он с удовольствием отметил, как дрогнул взор хозяина порта, когда тот, сам не будучи из мелких, оценил массивную фигуру Бранда и осознал, что проигрывает, по крайней мере один на один.

– Иногда меня называют Вига-Брандом. Я из норвежского Холугаланда, где народ покрупнее датчан.

– Убийца Бранд. Я о тебе слышал. Но и здесь хватает убийц. Для теплого приема одного имени мало.

– Я привез новости. Новости для братьев по крови.

– Лучше бы им оказаться важными, этим новостям, коль скоро ты беспокоишь братьев по крови, являясь без приглашения и пропуска.

– Новости важные. – Бранд посмотрел начальнику порта в глаза. – Приходи и послушай сам. И людей позови. Любой, кто не потрудится меня выслушать, будет проклинать себя за лень до конца своих дней. Но если вам всем дружно приспичило в отхожее место, то я, конечно, не помешаю вам спустить штаны.

Бранд покинул собеседника и молча пошел на столб дыма, поднимавшийся из внушительного «длинного дома», обители благородных сородичей – места, которого не видал ни один враг – а если и видал, то не мог об этом рассказать, поскольку не остался в живых. Это был сам Бретраборг. Команда сошла с ладьи и безмолвно последовала за Брандом.

Наконец губы начальника порта искривились в улыбке. Он подал знак, и его люди разошлись, прихватив припрятанные копья и луки. На заставе, что находилась в двух милях, спустили флаг.

Многочисленные ставни были распахнуты настежь, и зал заливало светом, но Бранд, когда вошел, помедлил, чтобы приспособиться к освещению, осмотреться и уловить настрой собравшихся. Он знал, что сцена будет описана в песнях и сагах – если толково сыграть. Через несколько минут он либо прославит себя в веках, либо встретит лютую смерть.

В зале было полно людей, которые сидели, стояли, бродили, развлекались играми. Никто не взглянул ни на Бранда, ни на его свиту, молча просочившуюся следом. Но великан знал, что его присутствие замечено. Когда глаза попривыкли, он понял, что в зале не соблюдают чинов – напротив, тщательно притворяются, что все воины, все истинные дренгиры равны. Однако людские скопления неуловимо тяготели к единому центру. На другом конце зала был пятачок, куда никто не осмеливался ступить. Там расположились четыре человека, и казалось, они целиком поглощены своими делами.

Бранд направился к ним, и в наступившей тишине звучал лишь топот его мягких моряцких сапог.

– Приветствую! – сказал он четверке, повысив голос, чтобы слышали столпившиеся кругом. – Я привез новость для сыновей Рагнара.

Один оглянулся, продолжая обрабатывать ногти ножом:

– Должно быть, это серьезная новость, раз человек явился в Бретраборг без приглашения и пропуска.

– Так и есть. – Бранд набрал в грудь воздуха и выровнял дыхание. – Ибо это новость о смерти Рагнара.

Теперь тишина стала полной. Человек, обратившийся к Бранду, остался верен своему занятию. Брызнула кровь из рассеченного до кости пальца. Мужчина не шелохнулся и не издал ни звука.

Заговорил второй – могучий, широкоплечий, с сединой в волосах. Одновременно он взялся за шашку, чтобы сделать ход.

– Так расскажи нам, – молвил он, тщательно выверив голос и постаравшись не выдать постыдных для мужчины чувств. – Как умер наш престарелый отец Рагнар? Ибо он был в годах, и его смерти не приходится удивляться.

– Все началось на берегу Англии, где он потерпел крушение. Как я слышал, его схватили люди короля Эллы.

Бранд чуть изменил тон, не то подыгрывая притворной невозмутимости второго Рагнарссона, не то насмехаясь над ней.

– Не думаю, что Рагнар причинил много хлопот врагам, поскольку, как ты сказал, он уже был в годах. Возможно, он не сопротивлялся.

Седой так и держал шашку, все сильнее сжимая ее пальцами. Из-под ногтей выступила кровь и капнула на доску. Он поставил кругляш, передвинул его раз, другой, убрал побитые.

– Ем твои шашки, Ивар, – произнес он.

Заговорил его противник, с волосами почти белоснежными; они были отведены от бледного лица и перевязаны льняной лентой. Ивар посмотрел на Бранда бесцветными, как лед, немигающими глазами:

– Что они сделали с Рагнаром, когда захватили?

Бранд старательно выдержал этот взгляд. Он пожал плечами, по-прежнему изображая беспечность:

– Его доставили в Эофорвик, ко двору короля Эллы. Дело считали пустячным, потому что Рагнара приняли за простого пирата, не имевшего никакой ценности. Наверное, задали ему пару вопросов, немного позабавились с ним. А после решили, что можно и прикончить.

Бранд в мертвой тишине изучил свои ногти, понимая, что его глумление над Рагнарссоном достигло опасной черты. Он снова пожал плечами:

– В общем, его отдали служителям Христа. Наверное, сочли недостойным смерти от руки воина.

К щекам бледного мужчины прихлынула кровь. Казалось, он сейчас задохнется. Румянец загустел, и вот лицо стало алым. Ивар начал раскачиваться на стуле, в горле у него заклокотало. Глаза выпучились, алый цвет сменился лиловым, который выглядел в освещении зала чуть ли не черным. Качание постепенно прекратилось; было похоже, что он одержал победу в каком-то внутреннем поединке. Затих кашель, а на лице восстановилась жуткая бледность.

Четвертый человек, маячивший подле братьев и наблюдавший за игрой, опирался на копье. Он до сих пор стоял неподвижно, не говоря ни слова и держа очи долу. Теперь он медленно поднял взгляд и посмотрел на Бранда. Дюжий вестник впервые содрогнулся. В этих глазах было нечто, о чем он слышал, но не верил: поразительно черные зрачки с белым, как первый снег, кольцом радужной оболочки; чернота же была крошечной, как краска на умбоне щита. Глаза блестели, точно металл в лунном свете.

– И как же убили старика король Элла и Христовы жрецы? – спросил четвертый Рагнарссон, и его голос был тих, почти ласков. – Наверное, ты скажешь, что это не составило большого труда.

Бранд ответил со всей откровенностью, решив больше не лезть на рожон:

– Его бросили в змеиную яму, в гадов двор, орм-гарт. Насколько я понял, возникли известные трудности – сначала змеи не хотели кусать Рагнара, а потом он сам пустил в ход зубы. Но его все-таки изжалили, и он умер. Это была медленная смерть. Без единой боевой отметины, которой можно гордиться в Валгалле.

На лице человека с диковинными глазами не дрогнул ни один мускул. Наступила долгая пауза; общество напряженно ждало любого отклика – а лучше всего, если бы он выказал, как его братья, нехватку самообладания. Этого не произошло. Он наконец выпрямился и бросил копье, на которое опирался, ближайшему зрителю, после чего засунул за пояс большие пальцы и приготовился держать речь.

Тот самый зритель крикнул от удивления, и все взоры приковались к нему. Он молча воздел прочное ясеновое копье, на котором остались вмятины от пальцев Рагнарсона. По залу разнесся удовлетворенный гул.

Бранд воспользовался моментом и вмешался, не дав человеку с диковинными глазами заговорить. Он со значением дернул ус и заметил:

– Было еще кое-что.

– Да? Что же?

– Когда змеи искушали Рагнара, тот, умирая, заговорил. Его, конечно, не поняли, ибо он говорил на нашем языке, на *norðent mál*<sup>5</sup>, но кто-то услышал, разнес, и мне посчастливилось узнать его слова. Вы правы, у меня нет ни приглашения, ни пропуска, но я счел узнанное достаточно важным.

– Так что же он сказал, наш умирающий старик?

Бранд повысил голос так, что тот заполнил весь зал – подобно голосу герольда, оглашающему указ.

– Он сказал: «*Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi*».

На этот раз переводить не пришлось. Слова Рагнара были понятны всему залу. «То-то расхрюкаются поросята, когда узнают, как умер старый вепрь».

– Вот почему я прибыл без приглашения, – объявил Бранд все так же громко и дерзко. – Хотя меня предупредили, что это опасно. Мне нравится хрюканье, и я отправился уведомить поросят. Как я понял, поросята – это вы. Ты, Хальвдан Рагнарсон, – кивнул он мужчине с ножом. – Ты, Убби Рагнарсон, – первому игроку. – Ты, Ивар Рагнарсон, известный своими снежными волосами. И ты, Сигурд Рагнарсон. Теперь мне ясно, почему тебя кличут *Ogm-i-Augá* – Змеиный Глаз. Вряд ли вам понравилась моя новость. Но я надеюсь, что вы согласитесь: ее следовало принести.

Теперь все четверо были на ногах, развернулись к нему, и всякое напускное безразличие улетучилось. Они кивали, впитывая его слова. Не меняя выражения лиц, они заулыбались, впервые представ единой семьей, братьями, сыновьями одного человека. Они оскалили зубы.

В те времена монахи молились: «*Domine, libera nos a furore normannorum*» – «Избавь нас, Господи, от гнева норманнов». При виде этих лиц любой разумный монах не замедлил бы добавить: «*Sed praesere, domine, a humore eorum*» – «Но тем паче, Господи, избавь нас от их веселья».

– Да, эту новость следовало до нас донести, – сказал Змеиный Глаз, – и мы благодарны тебе. Сначала мы решили, что ты не говоришь всей правды, и потому могли показаться недовольными. Но то, что ты сообщил в конце, – о да, это речь нашего отца. Он знал: кто-нибудь услышит. Он знал: кто-нибудь передаст нам. И знал, как мы поступим. Согласны, ребята?

Был подан знак, и кто-то выкатил вперед здоровенную дубовую колоду. Совместный рывок четырех братьев – и чурка прочно утвердилась стоймя. Дети Рагнара сошлись над ней

<sup>5</sup> Букв.: северная речь (ст. – норв.).

лицом к своим людям, и каждый поставил на колоду ногу. Они заговорили дружно, как требовал ритуал:

– Вот попираем колоду и хвалимся, что мы...

– ...пойдем на Англию мстить за нашего отца, – сказал Хальвдан.

– ...захватим короля Эллу и замучаем насмерть за гибель Рагнара, – пообещал Убби.

– ...поразим всех королей английских и покорим их страну, – поклялся Сигурд Змеинный Глаз.

– ...обрушим мщение на черных воронов, Христовых жрецов, которые подсказали про орм-гарт, – добавил Ивар.

Они закончили хором:

– А если мы отступимся от этих слов, то пусть нас отвергнут с презрением боги Асгарда и пусть мы никогда не примкнем к нашему отцу и предкам в их обители.

Когда они договорили, прокопченные балки «длинного дома» содрогнулись под ревом четырехсот глоток – ярлы, нобли, шкиперы и кормчие всего пиратского флота бурно выражали одобрение. Окрест простолюдины повысыпали из своих лачуг и ночлежек, пихая друг дружку в волнении и предвкушении, – они узнали, что судьбоносное решение принято.

– Ну а теперь, – грянул Змеинный Глаз, перекрывая гвалт, – выставляйте столы, несите скамью! Никто не наследует отцу, пока не выпьет погребального эля! И мы будем пить, как герои саг, справляя тризну по Рагнару. А поутру призовем каждого человека, снарядим все корабли и пойдем на Англию, чтобы там нас запомнили навсегда и никто не укрывался! Но сейчас – пейте. А ты, чужеземец, садись к нам на скамью и расскажи еще о нашем отце. Тебе найдется место в Англии, когда она достанется нам.

Вдали от тех мест лежал на соломенном тюфяке смуглый юноша, пасынок Вульфгара. Сырая почва Эмнета еще дышала туманом, и Шефа защищало от сырости лишь старое тощее одеяло. В добротном же бревенчатом доме его отчим разлегся в покое и сытости, а то и любовной неге с матерью юноши, госпожой Трит. Альфгар тоже почивал в теплой постели в горнице по соседству с родительской спальней; спала и Годиwa, дочь наложницы от Вульфгара. По возвращении Вульфгара домой все они до отвала наелись жареного и пареного, печеного и перченого – гусей и уток с болот, миног и щук из реки.

Шеф набил живот пустой кашей и отправился в свою одинокую хижину возле кузницы, и там единственный друг перевязал ему свежие раны. Теперь парень качался на волнах сна. Если это был сон.

*Он видел поле где-то на краю земли, освещенное лишь закатом. На поле лежали бесформенные груды ветоши, костей и шкур; белели черепа и ребра среди истлевших роскошных доспехов. Повсюду среди куч разбойничали птицы – огромные, черные, они яростно долбили клювами пустые глазницы и терзали суставы в поисках костного мозга или ошметков мышц. Но тела были уже много раз обглоданы, кости высохли; птицы раскаркались и набросились друг на дружку.*

*Затем они прекратили свару и стянулись к четырем черным птицам, стоявшим особняком. Прислушались к их карканью, еще более громкому и грозному. Затем вся стая взмыла в пурпурное небо, где выстроилась в круг, после чего медленно слилась в единое существо и устремилась прямо к нему, к Шефу. Возжак неся на юношу, и тот видел немигающие золотые глаза и клюв, нацеленный в лицо. Отпрянуть не удалось: он не мог шевельнуться, что-то крепко удерживало голову; он ощутил, как черный клюв глубоко погрузился в мякоть глазного яблока.*

Он пробудился с воплем и вскочил с тюфяка. А придя в себя, завернулся в ветхое одеяло и всмотрелся в болотный рассвет через дыру в стене.

– Что случилось, Шеф? – спросил с подстилки его товарищ Хунд. – Чего ты всполошился?

Юноша ответил не сразу. Слова вырвались карканьем – он сам не понимал, о чем говорит:  
– Вороны! Вороны летят!

## Глава 3

– Ты уверен, что высадилась сама Великая армия?

К злобе в голосе примешивалась робость. Вульфгару не хотелось верить столь худой вести, но он не решался прилюдно спорить с гонцом.

– Сомнений нет, – ответил королевский тан Эдрич, доверенный слуга Эдмунда, короля восточных англов.

– И ею командуют сыновья Рагнара?

«А вот эта новость, – подумал Шеф, сидевший в глубине помещения и ловивший каждое слово, – еще страшнее для Вульфгара».

Оповещенные посыльными, в господский дом набились все фримены Эмнета. В Англии фримен мог лишиться всего – обычного права<sup>6</sup>, права на землю, семейного права, – если не подчинялся законному призыву к оружию. Но зато в преддверии войны он мог участвовать в связанных с нею публичных обсуждениях.

Другой вопрос – имел ли на это право Шеф. Но ему еще не надели рабский ошейник, а фримен, что стоял в дверях и отмечал присутствие и отсутствие, был должен юному кузнецу за починенный плужный лемех. Этот человек с сомнением хмыкнул, взглянул на меч в потертых ножнах на боку Шефа и решил не перечить.

И вот Шеф стоит в последнем ряду, среди беднейших жителей Эмнета, слушает и мотает на ус и старается не привлекать к себе внимания.

– Мои люди говорили со многими керлами, которые видели норманнов, – сказал Эдрич. – Утверждают, что армию ведут четыре великих воина, сыновья Рагнара, все равные между собой. И воины каждый день собираются у большого знамени Ворона. Это знамя дочери Рагнара вышли за одну ночь – черный ворон расправляет крылья для победы и складывает при поражении. Таково грозное семейное предание. Слава сынов Рагнара гремит по всей Северной Европе, куда бы ни направлялись их корабли – в Англию, Ирландию, Францию, Испанию и даже в страны, лежащие за Средиземным морем, откуда разбойники вернулись несколько лет назад с богатой добычей. Так почему же они обратили свой гнев на бедное и слабое королевство восточных англов?

Вульфгар теребил длинные усы, и на лице все явственнее проступала тревога.

– А где их лагерь?

– На лугах у Стора, южнее Бедриксворда.

Королевский тан Эдрич явно терял терпение. Он слышал все это уже не однажды и в разных местах. С каждым мелким лендлордом повторялась одна и та же история: он не хотел узнать подробностей и выискивал лазейку, чтобы уклониться от долга. Но от этого человека тан ожидал большего – Вульфгар сам сказал, что ненавидит викингов и что он скрещивал мечи с самим Рагнаром.

– Итак, что же от нас требуется?

– Король Эдмунд желает, чтобы все фримены Восточной Англии, способные держать оружие, прибыли в Норидж. Все мужчины старше пятнадцати зим и младше пятидесяти. Мы уравниемся с норманнами в числе.

– А сколько их? – спросил арендатор из тех, что побогаче.

– Триста кораблей.

– А людей сколько?

– На корабле обычно три дюжины гребцов, – ответил королевский тан коротко и неохотно.

---

<sup>6</sup> Право, основанное на обычаях и традициях.



Это был опасный момент. Когда мужланы смекнут, с кем придется иметь дело, их будет трудно сдвинуть с места. Но не сказать правду он не мог.

Все задумались о вставшей перед ними опасности, и воцарилась тишина. Ее нарушил Шеф.

– Триста кораблей и три дюжины гребцов. Получается девятьсот дюжин. Десять дюжин – это длинная сотня. Больше десяти тысяч человек. И все воины, – добавил он скорее благоговейно, чем испуганно.

– Нам их не победить, – решительно произнес Вульфгар, отведя гневный взгляд от пасынка. – Мы должны выплатить дань.

Терпение Эдрича было на исходе.

– Это решать королю Эдмунду. И он заплатит меньше, если Великая армия увидит, что против нее выступает равное войско. Но я приехал не лясы точить, а огласить приказы, которые должны быть выполнены. Тебе и лендлордам Апуэлла и Аутуэлла и всех деревень между Или и Уисбеком король велит собраться и завтра же выступить в Норидж. Все военнообязанные деревни Эмнет должны выехать или подвергнуться наказанию от имени короля. Вот что обязан сделать я, и вот как надлежит поступить вам. – Он круто повернулся к недовольной гудящей толпе. – Каково ваше слово, фримены Эмнета?

– Да! – выпалил Шеф.

– Он не фримен! – рявкнул Альфгар, стоявший рядом с отцом.

– Должен быть фрименом, черт побери! Иначе ему здесь не место. Неужели вы ничего не решаете? Разве не слышали королевский приказ?!

Но слова Эдрича потонули в глухом недовольном ворчании. Шестьдесят глоток выразили согласие.

В лагере викингов близ Стора дела обстояли совершенно иначе. Здесь все решали сыны Рагнара. Они отлично знали друг друга и обходились кратчайшими совещаниями.

– Заплатят в конце концов, – сказал Убби.

Они с Хальвданом были очень похожи на остальных воинов как внешностью, так и темпераментом. Хальвдан был кровь с молоком, второй уже поседел, и оба были сильными и опасными бойцами – с такими людьми шутки плохи.

– Надо решать, и сейчас, – буркнул Хальвдан.

– В таком случае кто? – спросил Сигурд.

Все четверо ненадолго задумались. Дело требовало участия человека опытного и вдобавок из тех, без кого они смогут обойтись.

– Сигвард, – наконец изрек Ивар.

Его бледное лицо не дрогнуло, бесцветные очи остались прикованными к небу, и он произнес всего одно слово. Это было не предложение – ответ. Ивара звали Бескостным, хотя исключительно за глаза, и он никогда ничего не предлагал. Братья обдумали услышанное и согласились.

– Сигвард! – позвал Сигурд Змеиный Глаз.

В нескольких ярдах от них ярл Малых Островов играл в бабки. Он выполнил бросок, проявив должную независимость, но после выпрямился и подошел к кучке вожаков.

– Ты произнес мое имя, Сигурд, – с азартом проговорил он.

– У тебя пять кораблей? Хорошо. Мы думаем, что англичане со своим корольком Эдмундом пытаются дурить нам голову. Упираются, торгуются. Опасная и глупая игра. Мы хотим, чтобы ты выступил и дал им понять, с кем они имеют дело. Прогуляйся вдоль побережья и поверни на запад. Потом высадись, пройди вглубь острова и причини как можно больше вреда, сожги несколько деревень. Покажи им, что бывает, когда нас сердят. Ты знаешь, как надо действовать.

– Считай, что уже сделано. – Ярл помялся. – Но как насчет трофеев?

– Все, что захватишь, – твое. Но дело не в добыче. Устрой там что-нибудь особенное, чтобы им запомнилось. Возьми пример с Ивара.

Ярл снова ухмыльнулся, но неуверенно, как делали все при упоминании Ивара Рагнарссона Бескостного.

– Где высадишься? – спросил Убби.

– В местечке под названием Эмнет. Я там бывал. Нашел себе цыпочку.

На этот раз улыбку ярла пресекло внезапное движение Ивара. Сигвард сморозил глупость. Его нынешняя миссия не имела ничего общего с подвигами юности. Воину не к лицу ребячество, особенно в присутствии вождей.

Прошла минута. Ивар откинулся на стуле и выбросил этот эпизод из головы. Братья знали, что Сигвард не из лучших, – одна из причин, по которым его отсылали.

– Делай дело и не думай о цыпочках, – сказал Сигурд и махнул рукой: свободен.

По крайней мере, Сигвард знал свое ремесло. Спустя два дня, на рассвете, его драккары воспользовались приливным течением и незамеченными проскользнули в устье реки Уз. Затем шли на веслах в течение часа, сколько несли вода, покуда кили не царапнули песок. Драконы носы ткнулись в сушу, воины высадились. Специальная корабельная охрана немедленно столкнула ладьи в прибрежный ил. А уже отлив унесет «деревья моря» туда, где до них не доберется местное ополчение.

Самые юные и резвые воины из отряда Сигварда тронулись в путь. Наткнувшись на табунок коней, они зарубили пастуха и уже верхом устремились на поиски новых скакунов. Захваченных лошадей отослали к основному войску.

Когда сквозь утренний туман пробилось солнце, двести двадцать человек двинулись к своей цели по извилистым и топким тропам.

Они ехали плотным, четким строем, без головного дозора и бокового охранения, рассчитывая внезапным и мощным ударом снести любой заслон. Как только тропа приводила к обитаемому месту – ферме, подворью или деревушке, – основной отряд задерживался ровно на то время, какое нужно мужчине, чтобы отлить. Всадники, что полегче и на лучших конях, окружали поселение, чтобы никто не вырвался и не поднял тревогу. Затем нападали главные силы, чьи задачи были просты – настолько, что Сигвард даже не трудился их повторять.

Викинги мгновенно убивали каждого встречного, будь то мужчина, женщина, даже дитя в колыбели, не задавая вопросов и не ища забавы. Затем рассаживались по седлам и ехали дальше. Пока без трофеев, их время еще не пришло. И без поджогов, ибо те были строжайше запрещены.

К полудню в мирной английской глубинке прорезался коридор смерти. В живых не оставили ни единой души. Далеко позади отряда люди замечали, что соседи не просыпаются; потом обнаруживали, что лошади исчезли, а по полям лежат трупы; и вот уже зазвучали церковные колокола и зажглись сигнальные костры. Но впереди никто не подозревал о смертоносном шествии викингов.

Отряд из Эмнета выступил намного позднее, чем люди Сигварда. Ополчению пришлось ждать, пока подтянется недовольное подкрепление из Апвелла, Аутвелла и лежащих дальше земель. Потом лендлорды долго приветствовали друг друга и обменивались тяжеловесными любезностями. Затем Вульфгар решил, что незачем ехать на голодный желудок, и щедро оделил предводителей выдержанным элем, а их подчиненных – слабым пивом. Солнце уж несколько часов как взошло, когда сто пятьдесят вооруженных людей, составивших ополчение от четырех приходов, отправились через болота по дороге, которая пересекала Уз и в конечном счете достигала Нориджа. Иные отстали уже на этом этапе – у кого-то подпруга лопнула,

у кого-то живот схватило, третьим приспичило проститься с женами, своими или чужими. Отряд ехал, отбросив всякую осторожность и ни о чем не подозревая. Первым намеком на присутствие викингов стала плотная колонна воинов за поворотом, которая шла навстречу.

Шеф ехал сразу за жожаками – настолько близко к королевскому тану, насколько посмел подступиться. Эдрич расположился к нему после выступления на совете. Никто не отослал бы парня назад у Эдрича на глазах. И все же Шеф числился, как постарался разъяснить ему Альфгар, не фрименом, призванным на военную службу, а кузнецом. Спасибо, что у него хоть остался самодельный меч.

Шеф увидел чужаков одновременно с остальными, услышал тревожные возгласы предводителей:

– Кто эти люди?

– Викинги!

– Нет, не может быть! Они же в Суффолке. Еще ведутся переговоры.

– Это викинги, болваны вы этакие! Стащите свои разжиревшие задницы с лошадей и приготовьтесь к бою! Эй, там – спешиться, спешиться! Коноводы, в тыл! Снимите щиты и держите оборону!

Королевский тан Эдрич сорвался на визг, развернув коня и загнав его в самую гущу колонны, где царило смятение. До людей начало доходить, и они посыпались с седел. Англичане горько пожалели о том, что складировали оружие для удобства езды. Они потянулись кто вперед, кто назад, в зависимости от личных предпочтений, отваги или трусости.

Шеф, беднейший из бедняков, собирался недолго. Он бросил поводья клячи, которую с ворчаньем одолжил ему отчим, снял со спины деревянный щит и вынул из ножен свое единственное оружие. Доспехом ему была кожаная куртка с теми железками, что удалось собрать и нашить. Юноша занял позицию позади Эдрича и приготовился к схватке. Сердце неистово колотилось, горло перехватывало от возбуждения, но все это перекрывалось неимоверным любопытством. Как будут драться викинги? Каким окажется бой?

Что до викингов, то Сигвард оценил ситуацию, как только увидел первых всадников. Упершись в стремяна ногами, он привстал, обернулся и коротко скомандовал своим людям. Строй опытных викингов мгновенно распался, за миг все спешили. Каждый пятый, назначенный заранее, схватил поводья и отвел коней назад, чтобы там привязать к вбитому в землю колу. Сделав это, двадцать коноводов остались в тылу и сформировали резерв.

Войско задержалось на двадцать ударов сердца: одни угрюмо молчали, другие спешно перешнуровывали обувь, пили воду или мочились не отходя. Затем все дружно отвязали щиты и ослабили в ножнах мечи. В бросковую руку викинг брал метательное копье, а в другую – щит вместе с приложенным к его рукояти боевым топором. Без лишних слов воины построились в две шеренги, заняв дорогу до краев, переходивших в болото. Сигвард выкрикнул одно-единственное слово, и отряд мелким шагом двинулся вперед. Фланги отставали, пока строй не уподобился широкому и короткому клину, нацеленному на английскую конницу. На острие был сам Сигвард. Позади его сын Хьёрвард возглавил десяток отборных воинов – тех, кто после прорыва чужого строя атакует противника с тыла и обеспечит их разгром.

Англичане образовали неровную фалангу глубиной в три-четыре человека, тоже растянувшись на всю ширину дороги. С конями они разобрались просто: бросили, и те либо стали, либо затрусили прочь. Кое-кто из простолюдинов, что ехали верхом, тихо потянулись в тыл. Но таких было немного. За три поколения набегов и войн у многих англичан накопились личные счеты к викингам, да и никто не хотел опозориться перед соседями. Все, кого, как им казалось, обязывал к этому ранг, выкрикивали ободряющие призывы. Но не приказы.

Шеф, оглядевшись, понял, что остался совсем один позади облаченных в доспехи ноблей.

Когда клин викингов устремился к английской фаланге, ополченцы инстинктивно подались в стороны. Только самые решительные были готовы принять на себя первый удар – чья

тяжесть окажется сокрушительной, если Вульфгар и его соратники не справятся со своей задачей.

Говорили, что боевой клин изобретен богом войны, которого почитают норманны. Что же будет, когда он врежется?

Со стороны англичан полетели копья. Одни не достигли цели, другие были отбиты щитами. Викинги вдруг скопом перешли на рысцу. Шаг, другой, третий – и вот передние отвели бросковые руки, после чего на английский центр обрушился град сулиц.

Шеф видел, как стоявший впереди Эдрич ловко подставил умбон под копье и оно улетело далеко за линию обороны; второе он сбил краем щита себе под ноги. Нобль, находившийся сбоку от Шефа, опустил щит, защищаясь от сулицы, которая грозила вонзиться в живот, но тут же захрипел и повалился на бок – другое копье вошло ему через бороду в горло. Третий ленд-лорд изрыгнул проклятие, когда в его надетый на руку щит воткнулось сразу три сулицы. Он попытался сшибить их мечом, затем бешено затряс рукой, чтобы стряхнуть превратившийся в обузу щит. Но не управился – подоспел клин викингов.

Шеф увидел перед собой вражеского вождя, который нанес могучий удар Вульфгару. Англичанин подставил щит и сделал выпад мечом. Но викинг успел отпрыгнуть и со всей мочи провел восходящий диагональный удар. Вульфгар вновь отразил атаку, и его клинок громко лязгнул о клинок противника. Но англичанин потерял равновесие. Викинг вдруг рванулся вперед, ударил в лицо завершив рукояти, впечатал в ребра умбон щита и отшвырнул противника в сторону. Когда он шагнул, готовый ткнуть мечом, Шеф прыгнул на него.

Вождь викингов при всей своей дородности двигался поразительно быстро. Он отпрыгнул на шаг и рубанул, целя в непокрытую голову юноши.

Шеф наблюдал за боем всего-то три удара сердца, но успел уяснить две вещи: во-первых, надо действовать в полную силу, без той неосознанной осторожности, что бывает на тренировках. И он использовал для отбива всю мощь своих мускулов, закаленных в кузнице. Во-вторых, нельзя медлить между ударами. Когда викинг замахнулся вновь, Шеф уже был наготове. В этот раз он отбивал удар выше. Хруст слился со звоном, и обломок клинка пролетел над его головой.

«Не мой, – подумал Шеф. – Не мой!» Он торжествующе шагнул вперед и сделал выпад, метя в пах.

Что-то ударило юношу, толкнув в сторону и назад. Он пошатнулся, восстановил равновесие и обнаружил, что Эдрич снова пихает его, неразборчиво крича в ухо. Оглянувшись, Шеф понял, что, пока он обменивался ударами с главарем, острие клина викингов проломило английский строй. С полдесятка ноблей лежало на земле.

Вульфгар оставался на ногах, но, похоже, был оглушен. Он пытался к Шефу, а перед тем уже возникла дюжина викингов, проникших через брешь в линии обороны. Юноша поймал себя на том, что орет и размахивает мечом, подзывая ближайшего. Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Затем викинг повернул влево, выполняя приказ: ударить по англичанам с тыла, смять построение, загнать фланги в трясину.

– Беги! – завопил Эдрич. – Мы разбиты. Уже ничего не исправить. Надо спастись.

– Это мой отец! – крикнул Шеф, метнувшись к Вульфгару, чтобы схватить его за пояс и утянуть назад.

– Поздно, ему конец!

Это была правда. Полубесчувственный тан получил новый сокрушительный удар по шлему и качнулся вперед, где его затопило волной врагов. Викинги еще теснили фланги, но могли в любой миг переключиться на центр и расправиться с теми немногими, кто там остался. Шефа едва не задушили: схватили за ворот и поволокли в тыл.

– Проклятые тупицы! Рекруты-недоучки! Чего от них ждать? По коням, малый!

Через считанные секунды Шеф помчался галопом туда, откуда пришел. Его боевое крещение состоялось.

И он сбежал с поля битвы, едва нанеся первый удар.

## Глава 4

Болотные камыши чуть шевелились на утреннем ветру. Вот они качнулись вновь, и выглянул Шеф, чтобы осмотреть пустынную местность. Викинги ушли.

Юноша повернул назад и кое-как выбрался из камышей на тропу, которую обнаружил минувшим вечером. На островке, что скрывался за невысокими деревьями, королевский тан Эдрич насыщался холодными остатками вчерашнего ужина. Он вытер жирные пальцы о траву и вскинул брови.

– Круто тихо, – сказал Шеф. – И ни единого дымка.

Никто не преследовал беглецов, когда они бросили лошадей и углубились в марь, где провели ночь – на удивление приятную для Шефа. Юноша размышлял о ней со смешанным чувством удовольствия и вины. Пусть и всего на один вечер, но он получил островок покоя в море бед и тревог. Ни работы, ни других обязанностей. Все, что требовалось от него и тана, – спрятаться понадежнее и разместиться со всеми возможными удобствами.

Шеф прошлепал вглубь болота и быстро нашел сухой клочок земли, куда никто не рискнул бы сунуться без крайней надобности. Шалаш легко получился из камыша, которым жители болотистого края стелили кровлю. В стоячей воде наловили угрей, и Эдрич, немного подумав, решил, что от костра не будет беды. У викингов хватает других дел, они не полезут в болото из-за какого-то дымка.

Но дымы закурились повсюду еще до захода солнца. Тан сказал, что налетчики, видно, повернули обратно и уже не скрывают своего присутствия.

Шеф осторожно спросил, приходилось ли раньше Эдричу бежать с поля боя. Его терзало беспокойство, которое усиливалось всякий раз, когда он вспоминал, как упал его отчим под натиском вражьей орды. Собеседник ответил, что такое случалось много раз. В этот необычный для него день он проникся столь же необычным чувством товарищества.

– И ты не думай, что побывал в бою. Это была всего лишь мелкая стычка. Убегал я часто, даже слишком. И если бы так поступали все, наши потери были бы меньше. Они невелики, когда мы держим строй, но если уж викинги прорвались, то выходит сушая бойня. Сам подумай: тот, кто покидает поле боя, сохраняет себя для следующего сражения, которое будет вестись уже на равных. Беда в том, – продолжил он с мрачной улыбкой, – что чем чаще это случается, тем меньше людям хочется попробовать снова. Они теряют боевой дух. А он важен. Вчера мы проиграли потому, что никто не был готов ни телом, ни душой. Если бы наши люди потратили на подготовку десятую часть того времени, что ушло на нытье, то мы бы и вовсе не потерпели поражения. Пословица гласит: «Каковы труды, таковы и плоды». Покажи-ка клинок.

С напускным безразличием Шеф извлек из потертых кожаных ножен меч и протянул Эдричу. Тот задумчиво повертел его в руках.

– Годится для работы в саду, – заключил он. – Или резать камыш. Это не оружие. Однако я видел, как об него сломался меч викинга. Что за притча?

– Клинок хороший, – ответил Шеф. – Может быть, лучший в Эмнете. Я сделал его сам, это слоенаяковка. В основном мягкое железо – с юга к нам привозят чушки. Но есть и слои каленой стали. Однажды я выполнил заказ тана из Марча, и он дал в уплату несколько хороших наконечников копий. Я их переплавил, а потом свил полосы железа и стали и выковал клинок. От железа он гибкий, от стали – прочный. Под конец я изготовил режущую кромку из самой твердой стали, какую нашел. Вся работа обошлась мне в четыре мешка угля.

– Столько трудов – и что в итоге? Недомерок с одним острым краем, похожий на рабочий инструмент. Рукоятка из простого воловьего рога, крестовины нет. А потом ты оставил меч под дождем, и он теперь ржавый.

Шеф пожал плечами:

– Если бы я шлялся по Эмнету с оружием воина на боку, которое сверкает змеистым узором, – как бы долго оно у меня пробыло? Ржавчины ровно столько, чтобы прикрыть лезвие. Я не даю ей въестся глубже.

– Тогда задам другой вопрос. Юный тан заявил, что ты не фримен. Ведешь себя так, будто кругом одни враги, но Вульфгара назвал в бою отцом. Тут какая-то тайна. Видит Бог, на свете полно танских бастардов. Но их никто не обращает в рабство.

Шефа часто спрашивали об этом, и он бы не ответил в иных обстоятельствах. Но среди болота, на острове, в беседе с глазу на глаз слова нашлись легко.

– Он не отец мне, хоть я его и называю отцом. Восемнадцать лет назад сюда пришли викинги. Вульфгар был в отъезде, но моя мать, госпожа Трит, осталась в Эмнете с малюткой Альфгаром – моим единоутробным братом, ее ребенком от Вульфгара. Ночью явились викинги, и слуга унес Альфгара, но мою мать схватили.

Эдрич медленно кивнул. Знакомая история. Но все же его вопрос остался без ответа. Такие случаи влекли за собой известную процедуру – по крайней мере, среди людей знатных. Спустя какое-то время до мужа непременно дошла бы весть, что на невольничьем рынке Хедебю или Каупанга торгуется такая-то госпожа за такую-то цену. Если не заплатить выкуп, то можно считаться вдовцом, жениться снова и украсить серебряными браслетами другую женщину, которая вырастит твоего сына. Бывало, правда, что такие сделки расторгались через много лет с прибытием старой карги, которая ухитрилась дожить до возраста, когда перестала быть нужной на севере, и бог ее знает за какую мзду пробралась на корабль, доставивший ее домой. Но это случалось редко. И всяко не проясняло личность юноши, сидевшего перед таном.

– Мать вернулась уже через несколько недель. Беременная мною. Она поклялась, что моим отцом был сам ярл. Когда я родился, она хотела наречь меня Халфденом, так как я наполовину датчанин. Но Вульфгар выбрал ее. Он заявил, что это героическое имя; имя короля, который положил начало роду Щитоносцев, от коих произошли короли Англии и Дании. Слишком звучное для такого, как я. И мне дали собачью кличку Шеф. – Юноша потупил взор. – Вот почему отец ненавидит меня и хочет обратить в рабство; вот почему у моего единоутробного брата Альфгара есть все, а у меня нет ничего.

Он умолчал о том, как Вульфгар третировал беременную жену и заставлял ее принимать змеиный корень, чтобы вытравить из утробы дитя насильника. Как сам он, Шеф, спасся лишь благодаря заступничеству отца Андреаса, который яростно обличил грех детоубийства, пусть даже дитя – отродье викинга. Как Вульфгар в своей исступленной ревности взял наложницу, родившую ему красавицу Годиву, так что в итоге в Эмнете стало расти трое детей: Альфгар, законнорожденный; Годива, дочь Вульфгара и рабыни-лемман; Шеф, отпрыск Трит и викинга.

Королевский тан молча вернул ему штучный клинок. Все равно непонятно, подумал он. Как удалось сбежать этой женщине? Викинги-рабовладельцы не отличались беспечностью.

– А как этого ярла звали? – спросил он. – Твоего...

– Моего отца? Мать говорит, что его имя было Сигвард. Ярл Малых Островов. Бог знает, где они находятся.

Они немного посидели в тишине, затем улеглись спать.

Поздним утром Шеф и Эдрич осторожно вышли из камышей. Сытые и невредимые, они приблизились к руинам Эмнета, которые угадывались уже издалека.

Все постройки налетчики сожгли: одни дотла, другие – до обугленных бревен. Не стало дома тана и частокола вокруг; исчезли церковь, кузница, глинобитные хижины фрименов, навесы и землянки рабов. Там и тут бродил немногочисленный люд; уцелевшие рылись в золе или присоединялись к тем, что уже столпились у колодца.

Вступив в деревню, Шеф окликнул одну из спасшихся – служанку матери.

– Труда! Расскажи, что случилось. Жив ли кто-то еще?

Ее трясло; она таращилась на юношу с изумлением и ужасом – целого и невредимого, с мечом и щитом.

– Иди... лучше к своей матери...

– Она здесь?

Шеф испытал слабую надежду. Может быть, отыщутся и другие. Удалось ли сбежать Альфгару? А Годиве? Что стало с Годивой?

Служанка двинулась прочь, и Шеф с Эдричем последовали за ней.

– Что это она так ходит? – пробормотал Шеф, глядя на ее мучительноековыляние.

– Изнасиловали, – коротко произнес Эдрич.

– Но... Труда не девица.

– Изнасилование – совсем другое дело, – объяснил Эдрич. – Четверо держат, а пятый трудится, и все вошли в раж. Бывает, что кости ломают или рвут сухожилия. Если женщина сопротивляется, то может выйти еще хуже.

Шеф снова подумал о Годиве, и костяшки его пальцев побелели на рукояти щита. Не только мужчины расплачивались за проигранные сражения.

Они молча шли за Трудой, которая хромала к импровизированному убежищу из досок, наваленных на полуобгоревшие бревна и прислоненных к уцелевшему фрагменту частокола. Дойдя до места, она заглянула внутрь, произнесла несколько слов и жестом пригласила мужчин войти.

Госпожа Трит лежала на груди ветоши. По мрачному, измученному лицу и неуклюжей позе было ясно, что испытание, которое выпало Труде, не обошло и ее. Шеф преклонил колени и нащупал ее руку.

После пережитого ужаса она могла говорить лишь слабым шепотом.

– Нас не предупредили, мы не успели подготовиться. Никто не знал, что делать. Мужчины поехали после боя прямо сюда. Им было никак не договориться. Эти свиньи схватили нас, а они всё спорили. Мы даже не сразу поняли, что это викинги, – глядим, а те уже повсюду...

Она умолкла, слегка поморщилась от боли и подняла на сына пустые глаза.

– Это сущее зверье. Они перебили всех, кто мог сопротивляться. Потом согнали остальных к церкви. Уже начинался дождь. Сначала увели девочек, хорошеньких девушек и кое-кого из мальчиков. Для отправки на невольничий рынок. А потом... Потом они притащили пленных и... – Ее голос задрожал, и она поднесла к глазам грязный передник. – Потом они заставили нас смотреть...

Мать захлебнулась слезами. Через несколько мгновений она вдруг, словно вспомнив что-то, схватила юношу за руку и впервые взглянула прямо ему в глаза:

– Это был он, Шеф. Тот же, что в прошлый раз.

– Ярл Сигвард? – еле выговорил сын.

– Да. Твой... твой...

– Как он выглядел? Большой, с темными волосами и белыми зубами?

– Да. И золотые браслеты до самого плеча.

Шеф мысленно вернулся к поединку, вновь ощутив, как сломался меч, и вспомнив восторг, с которым он шагнул нанести удар. Неужто Бог уберег его от страшного греха? Но если так, то чем Бог занимался потом?

– Матушка, разве ярл не мог тебя защитить?

– Нет. Он даже не попытался. – Трит взяла себя в руки и заговорила жестко. – Когда разбойники разошлись после... представления, он разрешил им грабить и веселиться, пока не запоет рог. Они не издевались над рабами, просто связали их, но остальных... Труды и тех, кого не забрали... Нас просто пустили по рукам. Он узнал меня, Шеф! И вспомнил. Но когда я взмолилась, чтобы он сохранил меня для себя, его разобрал смех. Он сказал... сказал, что



теперь я цыпочка, а не цыпленок, а цыпочки должны беречься сами. Особенно те, которые упорхнули. И они попользовались мною, как Трудой. И мне досталось больше, чем ей, потому что я госпожа, и некоторые решили, что это славная потеха.

Ее лицо исказилось от гнева и ненависти, и она позабыла на миг о боли.

– Но я сказала ему, Шеф! Сказала, что у него есть сын. И этот сын однажды найдет его и убьет!

– Я сделал все, что мог, матушка.

Шеф замялся, собираясь задать очередной вопрос, но Эдрич, стоявший сзади, опередил его:

– На что они заставили вас смотреть, госпожа?

Глаза Трит снова наполнились слезами. Не в силах говорить, она махнула в сторону выхода из укрытия.

– Идемте, – позвала Труда. – Я покажу вам милосердие викингов.

Мужчины вышли следом за ней, пересекли пепелище на месте сада и достигли второго шалаша, возведенного возле развалин танова дома. Снаружи стояла кучка людей. То один, то другой отлеплялся от остальных, заходил внутрь, смотрел и возвращался назад. Выражение лица не удавалось прочесть. Скорбь? Гнев? Пожалуй, обычный страх, подумалось Шефу.

Внутри стояли лошадиные ясли, наполовину наполненные соломой. Шеф мигом узнал светлые волосы и бороду Вульфгара. И хотя лицо было совершенно мертвецкое – белое, восковое, с заострившимся носом и выпирающими скулами, – отчим еще дышал.

Шеф не сразу осознал случившееся. Как же Вульфгар поместился в яслях? Он был слишком велик. Шесть футов ростом, а ясли – Шеф хорошо это помнил по поркам, которые ему задавали в детстве, – едва достигали пяти... Чего-то не хватало.

Вульфгар лишился ног. Ниже колен виднелись только тряпки, неуклюже намотанные на обрубки и пропитавшиеся кровью и гноем. Пахло горелым и тухлым мясом.

С растущим ужасом Шеф увидел, что нет и рук. Они были обрублены сразу под локтями, а культи, скрещенные на груди, тоже заканчивались повязками.

Сзади забормотали:

– Его вынесли к нам, уложили на колоду и давай рубить топором. Сначала ноги. Потом прижгли каленым железом, чтобы не истек кровью. Вульфгар проклинал их и вырывался, но потом стал умолять: оставьте хоть одну руку, чтобы есть самому. Они только смеялись. Громила, который у них ярл, заявил, что ему оставят самое нужное: глаза, чтобы видеть красавиц, и яйца, чтобы хотеть их. Но он уже никогда не сумеет спустить штаны.

«И ничего не сделает сам», – мысленно добавил Шеф.

Вульфгар будет во всем зависеть от окружающих – ни помочиться, ни поесть без посторонней помощи.

– Его сделали хеймнаром, – молвил Эдрич, воспользовавшись норвежским словом. – Живым трупом. Я слышал о таком, но никогда не видел. Ты не кручинься, юноша. Зараза, боль, потеря крови – долго ему не протянуть.

Невероятное дело: безжизненные глаза открылись. Они уставились на Шефа и Эдрича с незамутненной злобой. Губы разомкнулись, и вырвался змеиный шепот:

– Дезертиры... Ты бросил меня, сопляк, и скрылся. Я не забуду. И ты, королевский тан. Явился, уговорил нас, повел на сечу. Но где же ты был, когда она кончилась? Не бойся, я еще поживу и отомщу вам обоим. И твоему отцу, сопляк. Напрасно я взялся растить его помет и принял назад его шлюху.

Глаза закрылись, голос стих. Шеф и Эдрич вышли под морось, зарядившую вновь.

– Не понимаю, – сказал Шеф. – Зачем они это сделали?

– Этого я не знаю. Но скажу тебе одно: Эдмунд придет в ярость, когда узнает. Набег и убийства в условиях перемирия – это еще куда ни шло, но сделать такое с его бывшим сорат-

ником... Ему придется выбирать одно из двух. Быть может, сочтет, что лучше убереечь своих людей от подобной участи. Но ведь месть – дело чести. Решение дастся ему нелегко. – Он повернулся к Шефу. – Тут тебе больше нечего делать. Поедешь со мной, дружок, чтобы доставить королю новости? Здесь ты не фримен, но совершенно ясно, что ты боец. Побудешь моим слугой, пока не подыщем для тебя подходящее снаряжение. Раз ты не убоился языческого ярла, король возьмет тебя на службу независимо от твоего положения в Эмнете.

К ним подошла леди Трит, тяжело опиравшаяся на палку. Шеф задал ей вопрос, терзавший его с того момента, как он увидел дым над разоренным Эмнетом:

– Годива? Что случилось с Годивой?

– Ее увез Сигвард в лагерь викингов.

Шеф повернулся к Эдричу. Он заговорил твердо и без тени вины:

– Меня называют дезертиром и рабом. Теперь я стану тем и другим. – Он отстегнул щит и бросил на землю. – Я отправляюсь к Стору, в лагерь викингов. Пусть у них станет одним рабом больше – может, возьмут. Я должен спасти Годиву.

– Ты не протянешь и недели, – с холодным гневом возразил Эдрич. – И умрешь предателем своего народа и короля Эдмунда.

Он круто развернулся и зашагал прочь.

– И самого благословенного Христа, – добавил отец Андреас, вышедший из укрытия. – Ты видел, каковы деяния язычников. Лучше быть рабом у христиан, чем королем у этих извергов.

Шеф понял, что поспешил с решением: возможно, стоило хорошенько подумать. Но дело сделано, и он связан словом. В голове роились мысли. «Я посягнул на жизнь родного отца и лишился отца приемного, который стал живым мертвецом. Мать ненавидит меня за отцовский поступок. Я потерял друга и шанс получить свободу».

Что толку от таких раздумий? Он сделал выбор ради Годивы. Теперь придется завершить начатое.

Годива очнулась. Трещала голова, в ноздри лез дым, а под нею кто-то ворочался. Она пришла в ужас и метнулась прочь. Девушка, на которой она только что лежала, захныкала.

Когда в глазах прояснилось, Годива поняла, что находится в тесном фургоне, который со скрипом катит по лужам. При свете, проникавшем через тонкий холщовый навес, было видно, что внутри полно людей: половина девушек Эмнета лежала поверх другой. Оконце в заднем торце фургона вдруг потемнело, и там возникла бородастая рожа. Всхлипы переросли в визг, и девицы прижались друг к дружке. Кто-то попытался спрятаться за подругами. Но рожа только осклабилась, сверкнув ослепительными зубами; затем голова предостерегающе качнулась и пропала.

Викинги! Годива мигом вспомнила все, что случилось: толпа мужчин, паника, она мчится к болоту, перед ней вырастает человек и хватает за подол; она в смертельном ужасе оттого, что впервые за всю свою незатейливую жизнь оказалась в руках взрослого мужчины...

Рука вдруг скользнула к бедрам. Что с нею сделали, пока она лежала без чувств? Но тело не саднило и не пульсировало, притом что все усиливалась головная боль. Годива осталась девицей. Ведь не могли же викинги изнасиловать ее так, чтобы она ничего не почувствовала?

Соседка, батрацкая дочь, подружка Альфгара по детским забавам, заметила это движение и не без злорадства произнесла:

– Не бойся. Они ничего нам не сделали, берегут для продажи. Тебя, непорченную, тоже. Вот найдут покупателя, тогда станешь как все.

Воспоминания продолжали выстраиваться. Площадь, полная жителей деревни и окруженная викингами. Отца волокут в серединку, а тот кричит и предлагает договориться... Колода. Ужас, охвативший Годиву, когда отца распяли и подошел человек с топором. Да, точно. Она

с воплем бросилась вперед, чтобы вцепиться в здоровяка. Но ее перехватил другой, которого тот называл сыном. А что потом? Она осторожно ощупала голову. Шишка. И боль по другую сторону, от которой раскалывается череп. Но крови на пальцах не осталось. Она вспомнила, что викинг огрел ее мешочком с песком.

Так обошлись не только с ней: пираты торговали невольниками давно и привыкли иметь дело с людской скотиной. В начале набега они работали топором и мечом, копьем и щитом, истребляя способных оказать сопротивление. Другое дело – после: несподручно глушить добычу оружием. Даже если бьешь мечом плашмя или обухом топора, слишком велик риск попортить товар, раскроив ему череп или отрубив ухо. Опасен даже кулак, когда им наносит удар могучий гребец. Кто купит девку со сломанной челюстью или свернутой скулой? Может быть, скупердяи с внешних островов и соблазняются, но только не испанцы и не разборчивые короли Дублина.

Поэтому в отряде Сигварда и многих других, ему подобных, выделялись специальные люди, которые занимались рабами. Они держали на поясе или крепили к изнанке щита «усмиритель» – длинную, прочно сшитую холщовую кишку, которую набивали сухим песком, старательно собранным в дюнах Ютландии и Сконе. Аккуратный удар – и товар лежит себе смирно, не причиняя хлопот. Без всякого ущерба.

Девушки перешептывались дрожащими от страха голосами. Они рассказали Годиве о судьбе ее отца. Затем о том, что случилось с Трудой, Трит и остальными. И наконец, как их погрузили в фургон и повезли по тракту к побережью. Но что будет дальше?

На исходе следующего дня Сигвард, ярл Малых Островов, тоже ощутил холодок в груди, хотя и по менее очевидной причине. Он удобно устроился в огромном шатре армии сыновей Рагнара, за столом ярлов. Была подана отменная английская говядина, в руке ярл держал рог крепкого эля. Он внимал своему сыну Хьёрварду, который рассказывал о набеге. Тот говорил хорошо, хотя и был молодым воином. Пусть остальные ярлы, а заодно и Рагнарссоны увидят, что у Сигварда есть сильный молодой сын, с которым в будущем придется считаться.

Что же не так? Сигвард был не из тех, кто копается в себе, но он прожил долгую жизнь и научился прислушиваться к внутреннему голосу.

Набег не осложнился ничем. Сигвард возвращался не той дорогой, что пришел, и сплавил добычу не по Узу, а по реке Нин. Тем временем охрана ладей на мелководе дождалась английских войск, немного поглумилась над ними, осыпала стрелами; посмотрела, как те медленно собирают флот из гребных лодок и рыбацких парусников, а в назначенный час снялась и, подхваченная течением, ушла к месту встречи, оставив позади бесновавшихся врагов.

И переход прошел успешно. Главное, Сигвард сделал именно то, что велел Змеиный Глаз. По факелу в каждую хижину и на каждое поле. И всюду трупы. Преподан урок, и весьма суровый. Викинги приколотили кое-кого из местных к деревьям, изувеченных, но не убитых, чтобы рассказали всем, кто будет мимо проходить.

Сделай как Ивар, сказал Змеиный Глаз. Что ж, Сигвард не питал иллюзий и не претендовал на равенство с Бескостным по части жестокости, но никто не скажет, что он не старался. Этому краю не оправиться многие годы.

Нет, его беспокоило вовсе не это, сама идея была хороша. Если что-то произошло, то в ходе осуществления задуманного. Сигвард неохотно признал, что встревожен поединком. Он четверть века сражался в первых рядах, убил сотню людей, покрылся двумя десятками шрамов. Ярл ждал обычной стычки, но она оказалась особой. Как бывало много раз, он прорвался через передовую линию англичан. Почти играючи, презрительно отшвырнул белокурого тана и достиг второго ряда – запаниковавшего, бестолкового.

И тут словно из-под земли вырос мальчишка. У него даже не было шлема и приличного меча. Простой вольноотпущенник или ничтожнейший батрацкий сын. Но он парировал два

удара, и вот уже меч викинга разлетелся на куски, а сам ярл потерял равновесие и открылся. Сигвард пришел к нехитрому выводу: дерись они один на один, он был бы покойник. Его спасли теснившие друг дружку посторонние. Вряд ли кто-то заметил оплошность ярла, но если все-таки это случилось, может найтись какая-нибудь горячая голова, задира из первых рядов, то его могут вызвать на поединок уже сейчас.

Хватит ли ему сил? Достаточно ли крепок Хьёрвард, чтобы его мести боялись? Возможно, сам Сигвард чересчур стар, чтобы удерживать власть. Так оно, вероятно, и есть, коль скоро он не справился с плохо вооруженным мальчишкой, да еще англичанином.

По крайней мере, он правильно поступает сейчас. Заручается поддержкой Рагнарссонов, которая никогда не помешает.

Повесть Хьёрварда подходила к концу. Сигвард повернулся на стуле и кивнул двоим оруженосцам, ждавшим у входа. Те кивнули в ответ и поспешили прочь.

– ...И мы сожгли повозки на берегу. Принесли жертву Эгиру и Ран, швырнув туда пару местных, которых мой отец благоразумно припас. Погрузились на драккар, дошли вдоль побережья до устья реки – и вот мы здесь! Мужа Малых Островов, ведомые славным ярлом Сигвардом! И я, его законный сын Хьёрвард, готовый служить вам, сыны Рагнара, и совершить большее!

Шатер взорвался рукоплесканиями, топотом, лязгом ножей, и каждый ударил рогом о стол. Война началась хорошо, и все были в приподнятом настроении.

Змеиный Глаз поднялся со словами:

– Ну что же, Сигвард, ты слышал, что вправе оставить добычу себе, и ты ее заслужил. А потому можешь похвастать удачей, ничего не боясь. Скажи нам, сколько ты взял? Хватит, чтобы уйти на покой и купить летний домик в Зеландии?

– Маловато! – ответил Сигвард под недоверчивый ропот. – Слишком мало, чтобы податься в фермеры. Жалкие крохи – чего еще ждать от сельских танов? То ли будет, когда великая, непобедимая армия захватит Норидж. Или Йорк! Или Лондон!

Теперь раздалась одобрительные возгласы, а Змеиный Глаз улыбнулся:

– Монастыри – вот что нужно разграбить! Там полно золота, которое Христовы жрецы вытянули из южных дураков. Это не побрякушки из сельской глубинки! Но кое-что мы все-таки взяли, и я готов поделиться лучшим. Смотрите, какую мы нашли красоту!

Он повернулся и махнул своим присным. Те протиснулись к столам, ведя с собой чело- века, полностью закутанного в мешковину и с веревкой на поясе. Его толкнули к центральному столу, перерезали веревку и сорвали покров.

Годива заморгала на свету перед скоплением бородатых харь, разинутых пастей, стиснутых кулаков. Она отпрянула, попыталась отвернуться и встретила взгляд самого рослого из главарей, бледного, с бесстрастным лицом и немигающими ледяными глазами. Девушка вновь развернулась и чуть ли не с облегчением увидела Сигварда – единственного, кого смогла хотя бы узнать.

В этом свирепом обществе она напоминала садовый цветок среди бурьяна. Светлые волосы, нежная кожа, пухлые губы, чуть разомкнутые от страха и тем более привлекательные. Сигвард снова кивнул, и его воин разорвал на пленнице платье, а затем стащил его полностью, не внемля девичьим протестам. Годива осталась полностью обнаженной. Сгорая от страха и стыда, она прикрыла груди и понурила голову, ожидая дальнейшего.

– Не стану ее делить, – объявил Сигвард. – Она слишком ценна! Поэтому я уступаю ее! С благодарностью и надеждой отдаю девчонку человеку, который избрал меня для этого похода. Пусть пользуется ею долго, жестко и с огоньком! Я дарю ее мудрейшему в армии – тебе, Ивар!

Сигвард сорвался на крик и воздел рог. Он не сразу осознал, что ответных возгласов не последовало; до его слуха донесся только смятенный гул, исходивший от людей, которые сидели дальше всех – подобно ему самому, примкнувших к армии недавно и плохо знакомых

с Рагнарссонами. Никто не поднял рог. Лица вдруг сделались у кого озабоченными, у кого растерянными. Мужчины смотрели в сторону.

Холодок вернулся. «Может быть, следовало сначала спросить?» – подумал Сигвард.

Наверное, он чего-то не знает. Но что тут может быть плохого? Он отдал часть добычи – долю, которой обрадуется любой мужчина, и сделал это прилюдно и с почестями. Что плохого в том, чтобы подарить прекрасную деву Ивару Рагнарссону? По прозвищу... О, помоги мне Тор – почему его так прозвали?

Ужасная мысль посетила Сигварда. Не скрывается ли в этой кличке намек?

Ивар Бескостный.

## Глава 5

Пять дней спустя Шеф и его спутник укрылись в рощице. Они лежали и рассматривали через заливной луг земляные укрепления лагеря викингов, до которого была добрая миля. Пускай на миг, но они упали духом.

Они беспрепятственно выбрались из разоренного селения, хотя обычно это бывало труднейшим делом для беглых рабов. Но Эмнету хватало своих забот, и никто не мнил себя хозяином Шефа. Эдрич, возможно, считал своим долгом не подпускать никого к викингам, но он попросту умыл руки. Не встретив отпора, Шеф собрал свои скудные пожитки, прихватил из дальнего тайника скромный запас провизии и приготовился выступить в путь.

Но кое-кто все же наблюдал за ним. Стоя и размышляя, проститься ли с матерью, Шеф обнаружил, что рядом слоняется Хунд, друг детства, дитя рабов – наверное, самое ничтожное и презренное существо во всем Эмнете.

Однако юноша ценил его. Никто, даже Шеф, не знал болот лучше, чем Хунд. Тот бесшумно передвигался по топям и мог изловить куропатку прямо в гнезде. В убогой и тесной хижине, где он ютился с родителями и целым выводком детей, играли детеныши выдры. Рыба сама плыла к нему в руки, и он обходился без удочек и сетей. Что же касалось трав, то Хунд знал наперечет все названия и свойства. Он был на две зимы младше Шефа, но беднота уже потянулась к нему за снадобьями. Со временем он мог бы стать местной знаменитостью, лицом уважаемым, которого побаивались бы даже власти предержащие. Мог и попасть под расправу. Даже добрый отец Андреас, защитник Шефа, не раз косился на Хунда с сомнением. Мать-Церковь не жаловала конкурентов.

– Я хочу с тобой, – сказал Хунд.

– Это опасно, – ответил Шеф.

Хунд промолчал, как делал всегда, когда считал, что говорить больше не о чем. Оставаться в Эмнете тоже опасно. А вместе они повысят шансы на успех, каждый на свой лад.

– Тогда тебе придется снять ошейник, – взглянул Шеф на железо, которое Хунду навесили по достижении отрочества. – Сейчас самое время. До нас никому нет дела. Я принесу инструменты.

Они укрылись от чужих глаз на болоте. С ошейником пришлось повозиться. Шеф распилил его, подложив тряпки, чтобы не поранить шею, но, когда закончил, не смог подсунуть клещи и развести концы. Потеряв терпение, Шеф обмотал руки ветошью и разомкнул ошейник силой собственных мышц.

Хунд потер старые мозоли и свежие царапины и устался на подкову, в которую превратился ошейник.

– Не каждый так сумеет, – похвалил он.

– Нужда заставит, – небрежно ответил Шеф.

Но втайне юноша был доволен. Он входит в силу; он сражался со взрослым воином; он волен идти куда вздумается. Шеф пока не знал, как можно освободить Годиву, но был уверен, что найдет способ, а после забудет о невзгодах, постигших его семью.

Без лишних слов они тронулись в путь. Но сразу начались неприятности. Шеф приготовился морочить голову немногочисленным дозорным и случайным рекрутам, едущим к месту сбора. В первый же день он обнаружил, что округа уподобилась растревоженному осиному гнезду. На всех дорогах стояли заставы. У каждой деревни караулила вооруженная стража, подозрительная к чужакам. Один такой отряд решил задержать их, не поверив байке про скот, который им якобы поручили пригнать от родственника Вульфгара, и пришлось бежать, уворачиваясь от копий.

Но нет худа без добра: стало ясно, что король изъявил свою волю и население Восточной Англии в кои-то веки подчинилось ему дружно и искренне. В воздухе витал гнев.

Последние два дня Шеф и Хунд крались полями и огородами, продвигаясь мучительно медленно, зачастую ползком в грязи. И все равно встречали дозоры, в том числе конные, под началом танов или королевских уполномоченных, тогда как другие – самые опасные – передвигались бесшумно, как они сами, пешком, обернув оружие и доспехи тканью, под водительством местных знатоков болот, и были вооружены луками и охотничьими пращами для нападения из засады. Шеф понял, что так они намеревались задержать викингов или хотя бы не допустить, чтобы те разбойничали мелкими группами. При этом местные с удовольствием изловят или убьют любого, кого заподозрят в намерении помогать викингам словом или делом.

Опасность встречи с чересчур рьяными соотечественниками исчезла только на последней паре миль пути, да и то, как вскоре поняли беглецы, лишь потому, что на этой территории хозяйничали уже вражеские патрули. Впрочем, обходить их было легче. Шеф и Хунд заметили отряд, безмолвно стоявший на опушке, – полсотни всадников, все в доспехах, с огромными топорами на плечах, ошестиненные смертоносными копьями. Уклониться от встречи – проще простого. Но чтобы побить этих воинов или изгнать, англичанам пришлось бы вступить в полноценный бой. Деревенский патруль не продержался бы и минуты.

Что ж, необходимо отдаться на милость этих людей. Так просто, как в Эмнете, не получится. Сперва у Шефа был смутный план явиться в лагерь и заявить о родстве с Сигвардом. Но риск, что его моментально узнают, был слишком велик, хотя они с ярлом виделись считанные секунды. Ему выпал уникальный шанс сойтись в бою с единственным человеком из вражеского лагеря, который мог принять его или отвергнуть. Но теперь Сигвард стал единственным человеком, которого следует всячески избегать.

Берут ли викинги рекрутов? Шефа мучило неприятное подозрение, что для этого понадобится много большее, чем желание биться в их рядах и кустарно изготовленный меч. Но уж рабы-то им наверняка нужны.

Шефа обуревали тягостные мысли. Сам-то он вполне сгодится, чтобы таскать плуг на ферме или ворочать весло на драккаре. Другое дело – Хунд, он выглядит убого. Отпустят ли его викинги, как рыбешку, слишком мелкую для жарки? Или не столь добросердечно избавятся от обузы?

Вчера вечером, очутившись в виду лагеря, зоркие юноши различили отряд, который вышел из ворот и начал копать яму. Чуть позже они безошибочно опознали груз, туда бесцеремонно сваленный, – десяток тел. Пиратские становища славились повышенной текучестью рабочей силы.

Шеф вздохнул.

– Сегодня не лучше, чем вчера, – произнес он. – Но когда-то же надо.

– Постой. – Хунд схватил его за руку. – Что-нибудь слышишь?

Юноши повернули головы на звук, и тот усилился. Гул. Пение. Большой мужской хор. Они поняли, что звук доносится из-за невысокого косогора, который виднелся слева ярдах в ста, где заливной луг переходил в нераспаханное поле.

– В Или, в большом монастыре, так поют монахи, – пробормотал Шеф.

Дурацкая мысль. Вокруг на двадцать миль ни одного монаха или священника.

– Посмотрим? – шепнул Хунд.

Шеф не ответил, но медленно и осторожно пополз на звук. Там могут быть только язычники. Но, пожалуй, легче подобраться к небольшой компании, чем к целой армии. Все лучше, чем просто шагать по равнине.

Ползком они покрыли половину расстояния, и вдруг Хунд вцепился Шефу в запястье. Он молча указал на пологий склон. В двадцати ярдах под огромным кустом боярышника стоял

человек. Тучный, с толстой шеей, широкий в обхвате, он не шевелился и пристально рассматривал землю, опершись на топор в две трети своего роста.

«По крайней мере, он не бегун, – подумал Шеф. – И если в карауле, то встал не туда».

Юноши переглянулись. Пусть викинги великие моряки, но скрытности им следует поучиться.

Шеф осторожно скользнул наискосок от часового вокруг зарослей орляка, через утесник; Хунд дышал в спину. Впереди перестали петь и кто-то заговорил. Нет, не заговорил. Начал проповедь. «Есть ли среди язычников тайные христиане?» – озадачился Шеф.

Через несколько ярдов он бесшумно развел сломанные стебли и заглянул в лошину, ранее не доступную глазу. Там сорок или пятьдесят мужчин расселись на земле неровным кругом. Все с мечами и топорами; копья и щиты были составлены и сложены отдельно. Участок, на котором эти люди сидели, был огорожен веревкой, соединявшей десяток вонзенных в землю копий. С веревки через равные промежутки свисали гроздь алой, по осени спелой рябины. В середине горел костер. Рядом торчало острием вверх одинокое копьё с посеребренным древком.

Оратор стоял у костра спиной к сидящим. Он говорил властно и в чем-то убеждал остальных. В отличие от них и от всех, кого повидал в жизни Шеф, этот человек был одет по-особому: штаны и рубаха не натурального цвета, какой бывает у домотканой материи, и не крашенные, серо-буро-зеленые, а ослепительно-белые, как яйцо.

В правой руке покачивался двуглавый кузнечный молот с короткой рукоятью. Зоркие глаза Шефа оглядели первый ряд сидевших. У каждого на шее была цепь. С цепи на грудь свисал амулет. Украшения были разные – он различил меч, рог, фаллос, лодку. Но добрая половина собравшихся носила знак молота.

Шеф решительно покинул свое укрытие и зашагал в лошину. Заметив его, пятьдесят мужчин мгновенно вскочили, обнажили мечи и грозно возвысили голоса. Сзади донесся недолгий возглас, и под ногами затрепал орляк. Шеф понял, что это часового. Юноша не обернулся.

Человек в белом медленно повернулся, и они смерили друг друга взглядом поверх веревки с ягодами.

– И откуда же ты взялся? – спросил человек в белом.

Он говорил по-английски с сильным, режущим слух акцентом.

«Что мне сказать? – подумал Шеф. – Из Эмнета? Из Норфолка? Это для них пустой звук».

– Я пришел с севера, – ответил он громко.

Выражение лиц изменилось. Что это – удивление? Узнавание? Подозрение?

Человек в белом подал знак, чтобы все умолкли.

– И какое же тебе дело до нас, последователей Asgarthsvegr – Пути Асгарда?

Шеф указал на его молоты – большой в руке и маленький на шее:

– Я тоже кузнец. Мое дело – учеба.

Теперь уже кто-то переводил его слова остальным. Шеф осознал, что слева возник Хунд, а позади над ними нависла грозная тень караульщика. Он сосредоточился на человеке в белом.

– Докажи свое ремесло.

Шеф извлек из ножен меч и протянул, как протягивал Эдричу. Молотоносец повертел его, всмотрелся; слегка попробовал на излом, отметив удивительную гибкость толстого единого клинка, и поскреб ногтем ржавое пятнышко. Затем осторожно сбрил несколько волос с запястья.

– Твой горн был недостаточно горяч, – изрек он. – Или тебе не хватило терпения. Плетение из стальных полос неровное. Но это хороший клинок. Он не такой, каким кажется. И ты сам не такой, каким кажешься. Теперь ответь мне, юнец, чего ты хочешь, и помни, что смерть караулит тебя за плечом. Если ты просто беглый раб, как твой приятель, – он показал на шею



Хунда с красноречивыми отметинами, – то мы, возможно, отпустим тебя. Если трус, который хочет примкнуть к победителям, – возможно, убьем. Но может быть, ты что-то третье. Итак, чего тебе нужно?

«Вернуть Годиву», – подумал Шеф.

Он посмотрел языческому жрецу в глаза и произнес со всей искренностью, какую в себе нашел:

– Ты мастер кузнечного дела. Мне больше нечему учиться у христиан. Я хочу к тебе в ученичество. И в услужение.

Человек в белом хмыкнул и вернул Шефу меч костяной рукоятью вперед.

– Опустит топор, Кари, – велел он человеку, стоявшему позади чужаков. – Здесь нечто большее, чем видно глазу.

И он вновь обратился к Шефу:

– Я возьму тебя в подмастерья, юнец. И твоего товарища, если он что-то умеет. Сядьте в стороне и дайте нам закончить наше дело. Меня зовут Торвин, что означает «друг Тора», бога кузнецов. Как звать тебя?

Шеф покраснел от стыда и опустил глаза.

– Моего друга зовут Хунд, – сказал он. – Это значит «пес». И у меня тоже собачье имя. Мой отец... Его уже нет. Меня называли Шефом.

Впервые на лице Торвина появилось удивление и даже больше.

– Безотцовщина? – пробормотал он. – И Шефом звать. Но это не только собачья кличка. Ты поистине пребываешь в неведении.

Когда они шли к лагерю, Шефа не отпускал страх. Он боялся не за себя, а за Хунда. Торвин усадил их в сторонке, и странное собрание продолжилось: сперва говорил оратор, потом началось что-то вроде обсуждения на каркающем норвежском, который Шеф почти понимал, а после по рукам церемонно пустили мех с каким-то питьем. В конце все мужчины разбились на небольшие группы и молча возложили руки на тот или иной предмет – молот Торвина, лук, рог, меч и нечто, похожее на высушенный конский уд. Никто не тронул серебряного копья, пока Торвин не разъял его надвое и не закатал в холстину. Через несколько секунд ограждение было убрано, костер потушен, копья разобраны, а участники осторожно и в разные стороны разошлись по четверо и пятеро.

– Мы последователи Пути. – Решив кое-что объяснить юношам, Торвин заговорил на своем выверенном английском. – Не каждый захочет прослыть таким в лагере Рагнарссонов. Меня они привечают. – Он прикоснулся к молоту на груди. – У меня есть умение. И у тебя есть умение, будущий кузнец. Может быть, это тебя защитит. А что твой друг? Что он может делать?

– Зубы драть, – неожиданно ответил Хунд.

Полдюжина людей, еще стоявших вокруг, удивленно загудели.

– Tenn draga, – произнес один. – That er ithrott.

– Он говорит, что это достижение – драть зубы, – перевел Торвин. – Правда, что ли?

– Правда, – ответил за друга Шеф. – Он считает, что важна не сила. Главное – знать, как растут зубы. И как правильно повернуть вывихнутое запястье. Он и лихорадку лечит.

– Рвет зубы, вправляет кости, лечит лихорадку, – перечислил Торвин. – Лекарю всегда найдется дело среди женщин и воинов. Он может сгодиться моему другу Ингульфу. Если доведем. Послушайте, оба. Когда мы доберемся до моей кузницы и палатки Ингульфа, все будет в порядке. До тех же пор... – Он покачал головой. – У нас много недоброжелателей. И совсем мало друзей. Рискнете?

Юноши молча последовали за Торвином. Но мудрое ли решение они приняли?

По мере приближения лагерь выглядел все жутче. Он был окружен высоким земляным валом, и каждая сторона достигала как минимум фарлонга в длину. «Великий труд, – подумал

Шеф. – Лопатами поработали будь здоров. Означает ли это, что они обосновались надолго? Или для викингов постройка такой крепости обычное дело?»

Вал был увенчан частоколом из заостренных бревен. Фарлонг. Двести двадцать ярдов. Четыре стены. Но нет, вдруг понял Шеф, с одной стороны течет река Стор. Он даже рассмотрел ладейные носы, наставленные на мутный поток. Юноша недоумевал, пока не смекнул, что викинги вытащили корабли, свою величайшую драгоценность, на отмели, а после состыковали и превратили в стену. Насколько же велика крепость? Три стороны. Три раза по двести двадцать ярдов. Бревна, которые пошли на частокол, должны быть примерно в фут толщиной. Три фута – это ярд.

Ум, как часто бывало, занялся цифрами. Три раза по двести двадцать трижды. Наверняка разрешимо, но сейчас Шеф не мог прийти к ответу кратчайшим путем. Так или иначе, бревен много, больших в том числе; таких деревьев не найти на местных равнинах. Очевидно, викинги привезли эти толстые бревна с собой. Шеф смутно постигал незнакомое понятие «планирование». Он не мог подобрать названия. Заблаговременная подготовка? Обдумывание событий до того, как они произойдут? Для этого народа не существовало мелочей. Шеф понял вдруг, что викинги не сводили войну лишь к духу, славе, речам и унаследованным клинкам. Война – ремесло, где в ход идут лопаты и бревна, где ведется подготовка и извлекается прибыль.

Юноши плелись к валам, и на глаза попадалось все больше людей. Одни бесцельно бродили, другие жарили на костре мясо, третьи упражнялись в метании копья. При виде грубых шерстяных одежд Шеф решил, что норманны очень похожи на англичан. Но была и разница. Во всех мужских компаниях, какие раньше встречались Шефу, имелась толика негодных к военному делу: субъекты с переломанными и криво сросшимися ногами; увечные карлики; мужчины со зрением, нарушенным болотной лихорадкой, или старыми травмами головы, которые влияли на речь. Здесь ничего подобного не было. Шеф с удивлением увидел, что викинги, пусть и не сплошь богатыри, были крепкими, закаленными и готовыми к бою. Встречались отроки, но не ребята. Попадались лысые и седые, но ни одного престарелого паралитика.

И то же самое с лошадьми. На равнине было целое море лошадей – все стреноженные, все на подножном корме. Для этой армии требовалось много коней и пропасть еды. В известном смысле это слабость. Шеф осознал, что думает как враг, выискивающий уязвимые места. Он не был ни таном, ни королем, но знал из опыта, что караулить такие табуны по ночам совершенно невозможно. Сколько ни выставь патрулей, горстка уроженцев болот подберется, разрежет пути и распугает коней. Может, и часовых перебьет. Интересно, как это понравится викингам – идти в караул, притом что дозорные взяли привычку не возвращаться?

У входа Шеф снова упал духом. Ворота не было, и это само по себе казалось зловещим. Дорога вела прямо к валу, где зиял проем в десять ярдов шириной. Викинги словно заявляли: «Наши стены защищают добро и не дают сбежать рабам. Но мы не прячемся за ними. Хотите сразиться – идите к нам. Посмотрим, как вы справитесь с часовыми. Нас берегут не бревна, а топоры, которые их обтесали».

У проема было человек сорок-пятьдесят – кто стоял, кто отдыхал лежа. Но было видно, что все они начеку. В отличие от тех, что снаружи, эти были одеты в кольчуги и кожу. Копья составлены в пирамиду, щиты под рукой. Отряд мог изготовиться к бою за считанные секунды, откуда бы ни нагрянул враг. Заметив Шефа, Хунда, Торвина и всю компанию числом в восемь душ, викинги уже не спускали с них глаз. Остановят?

Из самого же проема вышел детина. Задумчиво уставился на прибывших, давая понять, что приметил и запомнил новичков. Вскоре он кивнул и указал большим пальцем внутрь. Когда они вошли в лагерь, здоровяк обронил пару слов.

– Что он говорит? – прошептал Шеф.

– Что-то вроде «себе на погибель».

Они углубились в лагерь.

Внутри царил хаос, но при внимательном рассмотрении в нем угадывался порядок. Над всем главенствовала важная цель. Люди были повсюду – стряпали, беседовали, играли в бабки или сидели над шашечными досками. Холщовые палатки тянулись во все стороны, их оттяжки были закреплены замысловатыми узлами. Но дорога оставалась свободной и не пересекалась ни с чем. Она уходила прямо вперед, имея десять шагов в ширину, и даже выбоины были аккуратно засыпаны гравием. Следы колес едва виднелись на утрамбованной земле. Шеф снова подумал, что эти люди – великие труженики.

Скромная процессия продолжала путь. Через сто ярдов, когда она, по расчетам Шефа, должна была оказаться почти в середине лагеря, Торвин остановился и дал знак обоим подойти ближе.

– Я скажу шепотом, потому что здесь очень опасно. В лагере говорят на разных языках. Сейчас мы пересечем главную дорогу, которая идет с севера на юг. Справа, южнее, где река с кораблями, обосновались сами Рагнарссоны со свитой. Любой, кто в здравом уме, обходит их стороной. Мы перейдем через дорогу и двинемся прямо к моей кузнице, она у противоположных ворот. Пойдем прямо, даже не глядя вправо. На месте сразу зайдем внутрь. Мужайтесь, осталось немного.

При переходе через широкий тракт Шеф старательно смотрел под ноги, но его так и подмывало оглядеться. Он пришел ради Годивы – но где она? Хватит ли смелости спросить о ярле Сигварде?

Их вновь окружили толпы, и они медленно пробирались, пока не увидели почти прямо перед собой восточный часток. Там, чуть поодаль от других, стояла грубая постройка. Открытая сторона была обращена к ним, и внутреннее убранство выглядело знакомо: наковальня, глиняный горн, трубы и мехи. Все это было окружено веревками с гроздьями алой рябины.

– Пришли, – повернулся к юношам Торвин и облегченно вздохнул.

Но вдруг побелел лицом, увидев что-то позади Шефа.

Тот оглянулся, уже решив, что пропал. Перед ним стоял высокий человек. Юноша осознал, что смотрит на него снизу вверх, а заодно понял, что в последние месяцы такое случалось редко. Но в этом мужчине хватало и других странностей.

На нем были такие же, как у всех, домотканые портки, но ни рубахи, ни овертуники. Взамен он кутался во что-то вроде широкого одеяла ярко-желтого цвета. Оно было подколото на левом плече, и правая рука оставалась голой. Из-за левого же плеча торчала рукоять огромного меча – тот волочился бы по земле, если бы висел на поясе. В левой руке мужчина держал небольшой круглый щит с ручкой в центре. Из середины торчал железный шип длиной в фут.

Позади столпился десяток людей в схожем облачении.

– Кто такие? – рыкнул великан. – Как вошли?

Шеф понял, несмотря на странный акцент.

– Их пустила стража, что у ворот, – ответил Торвин. – Они безобидны.

– Эти двое – англичане. Enzkir.

– В лагере полно англичан.

– Да. На цепи. Давай-ка их мне, я закую.

Торвин шагнул вперед, встав между Шефом и Хундом. Пятерка его товарищей рассредоточилась перед десятком людей в желтых накидках. Он схватил Шефа за плечо:

– Я взял его в кузницу подмастерьем.

На мрачном лице с длинными усами появилась презрительная усмешка.

– Ладный малый. Может, и по-другому используешь. А второй? – Здоровяк указал большим пальцем на Хунда.

– Он достанется Ингульфу.

– Еще не достался. У него был ошейник. Отдай его мне. Я выясню, не шпион ли.

Шеф поймал себя на том, что и сам медленно выступает вперед. Желудок сковало страхом. Он понимал, что сопротивляться бесполезно. Их много, и все вооружены. Любой из этих огромных мечей в мгновение ока оставит его без рук или снесет голову. Но он не мог допустить, чтобы забрали друга. Его рука скользнула к рукояти собственного короткого меча.

Рослый человек отпрянул и закинул руку. Шеф не успел моргнуть глазом, как длинный клинок уже был наготове. Вокруг сверкнули мечи, мужчины приняли боевую стойку.

– Стойте! – оглушительно крикнул кто-то.

Покуда Торвин и обладатель накидки вели беседу, их компания привлекла всеобщее внимание. Вокруг собралось человек шестьдесят, они смотрели и слушали. Из этого круга выступил великан, какого Шеф в жизни не видел: выше его на голову и полкорпуса; выше и намного шире, массивнее, чем человек в накидке.

– Торвин! – сказал он. – Мёрдох! – кивнул он тому, что диковинно вырядился. – Что за шум?

– Я забираю этого невольника.

– Нет! – Торвин вдруг схватил Хунда, толкнул за веревочное ограждение и сомкнул его пальцы на ягодах. – Он под защитой Тора.

Мёрдох рванулся вперед с воздетым мечом.

– Стой! – На сей раз зычный голос прозвучал угрожающе. – Ты не имеешь права, Мёрдох.

– Тебе что за дело?

Медленно, нехотя великан пошарил за пазухой и выпростал серебряный амулет на цепочке. Молот.

Мёрдох выругался, убрал меч и сплюнул.

– Забирай, коли так! Но ты, малец, – он перевел взгляд на Шефа, – тронул при мне рукоять. Мы скоро встретимся, и я трону свою. Тогда ты покойник, малец. – Он кивнул на Торвина. – А Тор мне не указ. Он не лучше Христа с его матерью-потаскухой. И ты не задурешь мне голову, как задурил ему, – ткнул он большим пальцем в сторону великана.

После чего повернулся и, высоко держа голову, ушел по дороге самодовольной походкой человека, не желающего признать свое поражение. Его спутники побрели следом.

Шеф понял, что все это время не дышал, и сделал осторожный, трудный вздох.

– Кто они? – спросил юноша, глядя вслед удалявшейся компании.

Торвин ответил не по-английски, а по-норвежски, говоря медленно и подбирая слова, похожие в обоих языках:

– Это гадгедлары. Ирландцы-христиане, отрекшиеся от своего бога и народа и ставшие викингками. У Ивара Рагнарссона много таких, и он надеется с их помощью стать королем и Англии, и Ирландии. Потом же он и его брат Сигурд займутся родной страной – Данией, а заодно и Норвегией.

– Куда могут и не добраться, – добавил спасший их великан. Он опустил перед Торвином голову в странном, даже подобострастном поклоне и смерил взглядом Шефа. – Храбрый поступок, пастушок. Но ты разгневал могущественного человека. Я тоже это сделал, но я уже давно нарываюсь. Зови меня, Торвин, если понадобится снова. Ты знаешь, что я при Рагнарссонах с тех пор, как доставил новости в Бретраборг. Долго ли это продлится, после того как я показал мой молот, мне неизвестно. Но свора Ивара меня все равно утомила.

Он пошел прочь.

– Кто это был? – спросил Шеф.

– Славный воин из Холугаланда, что в Норвегии. Его зовут Вига-Бранд. Убийца-Бранд.

– И он твой друг?

– Друг Пути. Друг Тора. И кузнецов.

«Не знаю, во что я влип, – подумал Шеф, – но мне нельзя забывать, зачем я здесь».

Его взгляд невольно оторвался от ограждения, за которым так и стоял Хунд, и устремился к средоточию опасности – южной речной стене лагеря викингов, стану самих Рагнарссонов. Он вдруг подумал, что Годива непременно окажется там.

## Глава 6

В течение многих дней Шефу было некогда размышлять ни о Годиве, ни о чем-либо прочем. Торвин вставал на рассвете, а трудился, бывало, и за полночь – переплавлял, отбивал, закалял, точил. В таком большом войске не переводились те, у кого ослаб топор на топорнице, кому понадобилось заклепать щит, кто вздумал заменить древко копья. Порой выстраивалась очередь человек в двадцать, тянувшаяся от кузницы до края участка и дальше, выходя на дорогу.

Случалось заниматься и более сложным, тяжелым трудом. Несколько раз приносили кольчуги, разорванные и окровавленные, с просьбой починить их, нарастить или подогнать под нового хозяина. Каждое звено приходилось тщательно скреплять с четырьмя другими, а те – еще с четырьмя.

«Носить кольчугу легко, и руки свободны, – сказал Торвин, когда Шеф наконец возроптал. – Но от сильного удара она не защитит, и это сущее проклятие для кузнецов».

Позднее Торвин все чаще предоставлял рутину Шефу, сосредоточившись на сложных и специальных заказах. Но отлучался редко. В самом начале он прибежал к мимике, а говорил по-норвежски и терпеливо повторял, пока не убеждался, что Шеф понял все. Юноша знал, что Торвин и в английском неплох, но кузнец никогда им не пользовался. Он настоял, чтобы подмастерье говорил по-норвежски, пусть даже лишь повторял услышанное. По правде сказать, языки были похожи и строем, и словарем. Спустя какое-то время Шеф разобрался в произношении, и тогда норвежский показался причудливым и корявым диалектом английского – достаточно имитировать, а не учить с азов. После этого дело пошло на лад.

Кроме того, беседы с Торвином хорошо помогали против скуки и тоски. От него и от людей, ждавших очереди, Шеф узнал массу вещей, о которых прежде не слыхивал. Похоже было, что все до единого викинги отлично осведомлены о намерениях и решениях своих вождей: все это обсуждалось и критиковалось без стеснения.

Вскоре стало ясно, что Великая армия язычников, наводившая страх на весь христианский мир, была далека от единства. Костяк составляли Рагнарссоны со своими приспешниками – примерно половина войска. К ним примкнуло множество группировок, которые объединились ради добычи и весьма разнились числом – от двадцати драккаров под предводительством ярла Оркнейского до отдельных команд из сканийских и ютландских деревень. Многие успели разочароваться. Они говорили, что началась-то кампания хорошо – высадились в Восточной Англии, построили крепость. Но замысел состоял в том, чтобы не оседать надолго, а добыть лошадей, найти проводников и внезапно, располагая надежным тылом в виде восточно-английского королевства, ударить по настоящему врагу и подлинной цели – королевству Нортумбрия.

«Почему было сразу не высадиться в Нортумбрии?» – спросил однажды Шеф, утерши пот и пригласив следующего заказчика.

Дюжий лысеющий викинг с помятым шлемом рассмеялся на это громко, но беззлобно. Он заявил, что самое трудное – начать кампанию. Провести корабли по реке. Найти место для стоянки. Раздобыть тысячи лошадей. Войска отстают, суются не в ту реку. «Будь у христиан, – сплюнул он с чувством, – хоть толика разума, нам бы не дали и начать – перебили бы сразу». – «Только не под командованием Змеиного Глаза», – заметил другой. «Может, и так, – согласился первый викинг. – Может, не со Змеиным Глазом, а с кем помельче. Помнишь, как было с франками, когда нас вел Олав Кетиль?» – «Да, – согласился с ним, – лучше освоиться понадежнее, а уж потом бить. Хорошая мысль. Но нынче вышло наоборот. Освоились слишком надежно и пустили корни».

Большинство заказчиков сошлись в том, что дело было в короле Эдмунде – Ятмунде, как они его называли, – и непонятно одно: почему он вел себя так глупо? «Легкая добыча –

грабь себе, пока не сдастся». – «Но мы не собирались грабить Восточную Англию, – посетовали заказчики. – Слишком долго. Слишком мало. Во имя ада – почему бы королю не заключить разумную сделку, не заплатить нам? Он получил предупреждение».

«Перегнули палку, наверное, с этим предупреждением», – подумал Шеф, вспомнив бескровное лицо Вульфгара, лежавшего в лошадиных яслях, и осязаемый гнев народа, разлившийся по лесам и полям. Когда он спросил, зачем викингам так приспичило захватить Нортумбрию – крупнейшее, но всяко не богатейшее английское королевство, – собеседники покатались со смеху и долго не могли успокоиться. А потом он услышал жуткий рассказ о Рагнаре Лодбroke и короле Элле; о старом вепре и поросятах, которые расхрюкаются; о Вига-Бранде и о том, как он издевался в Бретраборге над самими Рагнарссонами. Юноша вспомнил непонятные слова, услышанные от человека с посиневшим и распухшим лицом в змеиной яме архиепископа, которые тогда показались пророчеством.

Теперь он понял необходимость мести, но его интересовало кое-что еще.

– Почему вы поминаете ад? – спросил он у Торвина однажды вечером, когда они покончили с трудами и грели эль в кружке, поставленной на остывавший горн. – Разве вы веруете в место, где после смерти наказывают за грехи? В ад веруют христиане, но вы же не христиане.

– С чего ты взял, что «Hell», «ад», – христианское слово? – отозвался Торвин. – Что означает «Heaven»? – На сей раз он воспользовался английским словом «Heofon».

– «Небеса», что же еще, – недоуменно ответил Шеф.

– А также место, где христиане блаженствуют после смерти. Это слово существовало до христиан. Они просто позаимствовали его и наделили новым смыслом. То же самое с адом. Что означает «hulda»? – Теперь он употребил норвежское слово.

– Это значит «скрывать», «прятать». Как «helian» по-английски.

– То-то и оно. «Hell» – это то, что скрыто. То, что находится под землей. Простое слово, как и «Heaven». Ему можно придать какой угодно смысл. Но, отвечая на второй вопрос, скажу: да, мы верим в место, где после смерти наказывают за грехи. Некоторые из нас его видели.

Торвин помолчал, будто не знал, как далеко ему дозволено зайти в своих откровениях. Когда он нарушил тишину, его речь наполовину уподобилась пению, став медленной и монотонной, как у монахов из монастыря в Или на предрождественских бдениях – Шеф слышал их однажды, давным-давно.

Вот дом, не тронутый сияньем солнца,  
На Бреге Мертвых; его двери глядят на север,  
И с крыши каплет ядовитый дождь.  
Клубки змеиные суть стены.  
Там люди корчатся от страха и от скорби:  
Убийцы-волки и отверженные,  
Лжецы, что лгут, чтоб с женщиной возлечь.

Торвин тряхнул головой:

– Да, мы верим в наказание за грехи. Возможно, расходимся с христианами в том, что считать грехом.

– Кто это «мы»?

– Пора рассказать, пожалуй. Мне не раз приходила мысль, что ты призван знать.

Они потягивали теплый пряный эль в мерцании умиравшего огня; снаружи засыпал лагерь. И вот Торвин заговорил:

– Слушай, как это было...

И он рассказал, что все началось много поколений назад – с тех пор прошло лет полтора. Тогдашний великий фризский ярл, который правил народом по другую от Англии

сторону Северного моря, был язычником. Но он решил креститься, услышав предания из уст английских и франкских миссионеров и почитая чувство родства, существовавшее между его народом и нынешними англичанами-христианами.

По обычаю тех времен, крещение проводилось публично, на свежем воздухе, в большом водоеме, который миссионеры соорудили для всеобщего обозрения. После того как в нее окунется ярл Радбод, за ним должны последовать его придворные, а в скором будущем и все фризцы, все ярлство. Не королевство – ярлство, ибо фризцы были слишком горды и независимы, чтобы удостоить кого-либо королевским титулом.

И вот, раздетый в алые одежды и горностаевые меха поверх крестильной рубашки, ярл подошел к купели и опустил ногу на первую ступеньку. «Он и впрямь погрузил ее в воду», – заверил Торвин. Но затем Радбод обернулся и спросил предводителя миссионеров – это был франк, которого соотечественники звали Вульфхрамном или Вольфравеном, Волковороном, – правда ли, что едва он, Радбод, примет крещение, его предки, ныне томящиеся в аду среди прочих проклятых, будут выпущены и обретут дозволение дожидаться своего потомка на небесах.

Вольфравен ответил, что нет, они суть язычники, которые не крестились, и потому не могут спастись. Что нет спасения помимо Церкви. Он подкрепил сказанное, повторив на латыни: «Nulla salvatio extra ecclesiam». А потому не будет искупления тем, кто очутился в аду. «De infernis nulla est redemptio».

«Но моим предкам никто не говорил о крещении, – возразил ярл Радбод. – Они и отказаться-то не могли! Зачем же их мучить за то, о чем они не имели понятия?»

«Такова воля Господа», – изрек франкский миссионер. Наверное, он пожал плечами. Тогда Радбод вынул ногу из купели и поклялся, что никогда не станет христианином. Он заявил, что если придется выбирать, то он лучше поселится в аду со своими невинными предками, чем в раю со святыми и епископами, которые ничего не смыслят в правде. И он начал великую травлю христиан по всему фризскому ярлству, возбуждая ярость франкского короля.

Торвин хорошенько приложился к кружке и тронул маленький молот, висевший на шее.

– Так все и началось, – сказал он. – Ярл Радбод был великим провидцем. Он понимал: коль скоро священство, книги и письменность будут только у христиан, то их учение в конце концов примут все народы. И в этом сила последователей Распятого и в то же время их грех. Они ни за кем не признают малейшей толики правоты, помимо себя. С ними нельзя будет договориться. Они не согласятся на полумеры. И чтобы сразить их или хотя бы удержать на расстоянии вытянутой руки, Радбод решил, что северные земли должны обзавестись собственными жрецами и собственными преданиями о том, что есть истина. Так был основан Путь.

– Путь, – подтолкнул Шеф, когда Торвин как будто утратил желание продолжать.

– Вот кто такие «мы». Жрецы Пути. Наш долг троякий, и так заведено с тех пор, как Путь пролег через земли Севера. Первая обязанность – служить древним богам-асам, Тору и Одину, Фрейру и Уллу, Тиру и Ньёрду, Хеймдаллю и Бальдру. Те, кто имеет глубокую веру в этих богов, носят амулет, как у меня; это знак того бога, которого они почитают превыше других: для Тира – меч, для Улля – лук, для Хеймдалля – рог. Или молот для Тора, как у меня. Этот знак носят многие.

Наша вторая обязанность – кормиться каким-то ремеслом, как я живу кузнечным делом. Ибо нам не дозволено уподобляться жрецам бога Христа, которые сами не трудятся, но берут десятину и подношения от тех, кто работает, и обогащаются, и набивают добром свои монастыри, так что земля стонет от их поборов.

Но третью обязанность растолковать нелегко. Мы должны размышлять о грядущем, о том, что произойдет в мире этом, а не будущем. Видишь ли, христианские жрецы считают сей мир всего-навсего остановкой на пути в вечность, а истинный долг человечества видят в том,



чтобы пробыть здесь с наименьшим ущербом для души. Они думают, что этот мир и вовсе не важен. Он не интересует христианских священников. Они не хотят познавать земное бытие.

Но мы, жрецы Пути, верим: в самом конце состоится битва. Настолько великая, что человеческий разум не в силах ее вместить, – и все же она произойдет в этом мире, и наш общий долг – укреплять сторону богов и людей, пока не настанет роковой день.

Вот поэтому наша третья обязанность – не только оттачивать навыки и мастерство, но и множить их, совершенствуя. Мы всегда должны думать, как бы сделать что-то иначе, на новый лад. А самые почитаемые среди нас – те, кто способен создать и вовсе новое ремесло или искусство, о котором никто не то что не слышал, но даже не помышлял. Я далек от таких высот. И все-таки со времен ярла Радбода на Севере познали много нового.

О нас прослышали даже на юге. В Кордове и Каире – городах мавров, и в странах, где живут чернокожие, рассказывают о Пути и о том, что творится на севере у огнепоклонников – *majus*, как они называют нас. К нам присылают миссии для наблюдения и учебы.

Но христиане в наши края не едут, ибо по-прежнему уверены в своей исключительной правоте. Только они знают, что есть спасение и что есть грех.

– А сделать человека хеймнармом не грех? – спросил Шеф.

Торвин взглянул на него в упор:

– Этому слову я тебя не учил. Но я забыл, что тебе известно больше, чем мне казалось нужным. Да, это грех – превратить человека в хеймнарма, в чем бы он ни провинился. Это работа Локи – бога, в честь которого мы поддерживаем огонь в своем жилище, рядом с копьем его отца Одина. Но знак Одина носят только немногие из нас, а знак Локи – никто.

Сделать человека хеймнармом? Нет. Этим занимается Бескостный – и не важно, лично или нет. Есть много способов победить христиан, и способ Ивара Рагнарссона – глупый. Он ни к чему не приведет. Но ты и сам уже понял, что мне не по душе наймиты и прихвостни Ивара. Теперь иди спать.

С этими словами Торвин осушил свою кружку и ушел в спальную палатку, а Шеф задумчиво последовал за ним.

Работа у Торвина не позволяла Шефу заняться поисками. Хунда почти сразу же увел к лекарю Ингульфу, который тоже был жрецом Пути, но поклонялся целительнице Идун. После этого они не виделись. Шеф выполнял обычные обязанности помощника кузнеца и старался не выходить из зоны заступничества Тора: самой кузницы, соседствовавшей с ней маленькой спальней палатки и двора с глубокой выгребной ямой. Все это было окружено веревками с гроздьями рябины.

– Не выходи за ограждение, – наказал ему Торвин. – Внутри ты пребываешь под защитой Тора, и твое убийство навлечет на душегубов месть. А снаружи, – пожал он плечами, – Мёрдох очень обрадуется, если застанет тебя одного.

Так Шеф остался на огороженной территории.

Хунд пришел следующим утром.

– Я видел ее. Заметил с утра, – шепнул он, проскользнув к сидящему на корточках Шефу.

Тот в кои-то веки остался один. Торвин пошел выяснить, не их ли очередь печь хлеб в общественных печах. Он поручил подмастерью молоть пшеницу на ручной мельнице.

Шеф вскочил на ноги, рассыпав муку и зерна по утопанному полу.

– Кого? Ты говоришь о Годиве? Где? Как? Она...

– Умоляю, сядь! – Хунд принялся спешно сгребать рассыпанное. – Мы должны вести себя как обычно. Тут все просматривается. Будь добр выслушать. Плохо, что она женщина Ивара Рагнарссона – того, что прозвали Бескостным. Но ей не причинили вреда. Она жива и здорова. Я знаю это, потому что Ингульф – лекарь и бывает везде. Он увидел, что я умею делать, и теперь часто берет меня с собой. Несколько дней назад его позвали к Бескостному.

Мне не позволили войти, все их шатры окружены усиленной стражей, но я заметил ее, пока ждал снаружи. Ошибиться было нельзя. Она прошла меньше чем в пяти ярдах, хотя меня не увидела.

– Как она выглядела? – спросил Шеф, одолеваемый мучительными воспоминаниями о матери и Труде.

– Смеялась. Она казалась... счастливой.

Юноши замолчали. Если судить по тому, что они слышали, было что-то зловещее в искреннем или мнимом счастье любого, кто находился в пределах досягаемости Ивара Рагнарссона.

– Но слушай дальше, Шеф. Она в страшной опасности, хотя сама этого не понимает. Она считает, что если Ивар любезен и не использует ее как шлюху, то ей ничего не грозит. Но с Иваром что-то неладно – либо в теле, либо в голове. Это можно подправить, и он изменится. Глядишь, однажды Годива и станет его шлюхой. Ты должен вызволить ее, Шеф, и поскорее. И первым делом надо сделать так, чтобы она тебя увидела. Я не знаю, как быть дальше, но если она поймет, что ты рядом, то сможет как-нибудь передать весточку. И вот что я услышал еще. Все женщины, которые принадлежат Рагнарссонам и высшему начальству, сегодня покинут шатры. Они жалуются, что им уже который месяц негде помыться, кроме как в грязной речке. Собираются выкупаться и постирать одежду. Примерно в миле отсюда есть заводь, туда они и пойдут.

– Мы сможем ее увести?

– Даже не думай. В войске тысячи мужчин, и все изголодались по женщинам. Там будет столько надежных конвоиров, что и щелочки не останется заглянуть. Самое большее, что можно сделать, – постараться, чтобы она тебя увидела. Теперь смотри, куда они собрались. – Хунд начал торопливо описывать местность, для верности тыча пальцем.

– Но как мне отсюда выбраться? Торвин...

– Я подумал об этом. Как только женщины начнут выходить, я приду и скажу Торвину, что хозяин зовет его подточить инструменты, которыми режут голову и живот. Ингульф творит чудеса, – добавил Хунд, восхищенно покачав головой. – Он лучше любого церковного лекаря. Торвин, конечно, пойдет со мной. А ты перелезешь через стену, обгонишь женщин и охрану и как бы случайно попадешься навстречу.

Хунд был прав насчет Торвина. Тот сразу согласился, как только выслушал просьбу.

– Иду, – сказал он, положив молот и озираясь в поисках оселков для правки с водой и маслом, для тонкой шлифовки.

И отправился сразу, как только собрал необходимое.

А дальше все пошло наперекосяк: явились два заказчика, и ни один не хотел ждать, так как оба отлично знали, что Шеф никогда не покидает кузницу. Едва юноша от них отделался, пришел третий, чрезвычайно болтливый и любопытный. Когда же наконец Шеф очутился за веревочным ограждением, он понял, что ему предстоит самое опасное занятие в лагере, полном наблюдательных глаз и праздных умов, – спешка.

И он поспешил, размашисто шагая по запруженным улочкам, не глядя на обращенные к нему лица и натыкаясь на растяжки пустых палаток. А дальше вырос вал с бревенчатым частоколом, и вот он, взявшись за острые колья высотой в человеческий рост, перемахнул через них единым мощным прыжком. Кто-то крикнул, его заметили, но шум не поднялся. Он не входил, а выходил, и не было причины голосить «держите вора».

Теперь на равнину, усеянную лошадьми и упражняющимися воинами. В миле видна полоска деревьев, за ними находится заводь. Женщины пойдут вдоль реки, но бежать за ними будет самоубийством. Ему необходимо попасть туда первым и как ни в чем не бывало пойти назад, а лучше стоять, пока они будут проходить мимо. Не может он приближаться и к входному проему: там часовые, замечающие все, что творится кругом.

Шеф пренебрег опасностью и побежал через луг.

Через десять минут он достиг заводи и пошел по грязной тропе вдоль берега. Никого еще не было. Ему осталось уподобиться воину на отдыхе. Непростая задача, ведь он отличался от остальных хотя бы тем, что сам по себе. Вне лагеря и даже внутри его викинги ходили корабельными дружинами или хотя бы прихватывали для компании дружка из гребцов.

У него не было выбора. Придется идти как есть. В надежде, что Годиве хватит зоркости увидеть его и ума – промолчать.

Шеф различил голоса впереди, женский говор и смех вперемешку с мужским. Он обогнул куст боярышника и обнаружил перед собой Годиву. Их взгляды встретились.

В тот же миг он увидел море шафрановых накидок и в панике огляделся. Так и есть: Мёрдох, находившийся в пяти шагах, устремился к нему с победным воплем. Не успел Шеф пошевелиться, как его крепко схватили за руки. Остальные столпились за вожаком, на миг позабыв о своих подопечных.

– А вот и наш птенчик, который петушился! – злорадно произнес Мёрдох, сунув большие пальцы за ремень. – Хватался передо мной за меч! Что, вылез на баб поглазеть? Это тебе дорого обойдется. Эй, ребята, отведите его в сторонку! – С леденящим шорохом он обнажил длинный клинок. – Негоже смущать дам видом крови.

– Я буду драться, – сказал Шеф.

– Ничего ты не будешь. Разве вождь гадгедларов ровня беглому рабу, который едва избежал от ошейника?

– Я никогда не носил ошейник, – прорычал Шеф.

Он ощутил нарастающий жар, изгнавший озноб паники. Шанс был мизерный. Если Шеф заставит этих людей обращаться с собой на равных, то, может, и выживет. В противном случае не пройдет и минуты, как он превратится в обезглавленный труп и будет брошен в кусты.

– Мое происхождение не ниже твоего. А по-датски говорю и получше!

– Это верно, – холодно молвил кто-то из гущи накидок. – Мёрдох, все твои люди смотрят на тебя. А должны – на женщин. Или вы сможете только скопом разобраться с этим малым?

Толпа перед Шефом расступилась, и он обнаружил, что смотрит прямо в глаза говорившему. Шеф подумал, что они светлы, как наледь на тончайшем, почти прозрачном кленовом блюде. Они не мигали и ждали, когда Шеф потупит свои. Он с усилием отвел взор. И обмер от страха, понимая, что смерть подступила вплотную.

– Ты недоволен, Мёрдох?

– Да, господин. – Ирландец тоже опустил глаза.

– Тогда дерись с ним.

– Но я же сказал, что...

– Тогда пусть дерется кто-нибудь из твоих людей. Выбери младшего. Пусть отрок сражится с отроком. Если твой победит, я дам ему это. – Ивар снял с руки серебряный браслет, подбросил и снова надел. – Отойди и освободи им место. Женщины тоже посмотрят. Никаких правил, сдаваться нельзя, – добавил он, сверкнув зубами в холодной невеселой улыбке. – Биться насмерть.

Спустя секунды Шеф снова перехватил взгляд Годивы – ее глаза округлились от ужаса. Она стояла в первом ряду двойного кольца, где женские платья смешались с яркими шафрановыми накидками, а кое-где виднелись алые плащи и золотые доспехи знатных воинов и ярлов, сливок армии викингов. В самой гуще Шеф заметил знакомую гигантскую фигуру Убийцы Бранда. Повинуясь порыву, юноша, пока противника готовили к бою на другом краю круга, шагнул к великану со словами:

– Сударь, одолжите мне ваш амулет. Я верну – если смогу.

Воин-исполин бесстрастно протянул амулет Шефу.

– Разуйся, малец. Здесь скользко.

Шеф последовал совету. А еще задышал во всю силу легких. Он видел много поединков и знал, что это глубокое дыхание предотвратит секундный паралич, неготовность к бою, которая выглядит как страх. Рубашку он тоже снял, нацепил амулет, извлек меч и отшвырнул в сторону ремень и ножны. Круг широкий, подумал он. Понадобится скорость.

Противник уже вышел навстречу, тоже отбросив накидку и раздевшись, как Шеф, до пояса. В одной руке он держал меч гадгедларов, уже обычного, зато длиннее на фут. В другой – такой же шипастый круглый щит, как у его товарищей. Поверх волос, охваченных тесьмой, сидел шлем. Он был ненамного старше Шефа, и будь у них борцовский поединок, тот бы не испугался. Но у ирландца были щит и меч, оружие в обеих руках. Он был воином, побывавшим в бою, сразившимся в десятке мелких стычек.

Откуда-то извне пришло видение. Шеф снова услышал мрачный напев Торвина. Он нагнулся, поднял с земли сучок и метнул противнику в голову, как дротик.

– Я отправлю тебя в ад! – крикнул он. – Я отправлю тебя на Берег Мертвых!

Толпа заинтересованно загудела, раздались ободряющие вопли:

– Давай, Фланн! Врежь ему кругляшом!

Никто не ободрил Шефа.

Ирландец мягко подступил и резко атаковал. Он притворился, будто целится Шефу в лицо, и перевел выпад в удар слева, метя в шею. Шеф поднырнул, шагнул вправо, отбил шипастый щит. Викинг подался вперед, размахнулся опять, на этот раз сверху вниз. Шеф снова отступил, как бы намереваясь уйти вправо, но шагнув влево. На миг противник оказался к нему боком, и можно было поразить голое правое плечо. Вместо этого Шеф отскочил и ринулся в середину круга. Он уже решил, что будет делать, и тело слушалось безупречно – невесомое как перышко, подстегнутое силой, которая раздувала легкие и гнала по жилам кровь. Вспомнилось, как сломался меч Сигварда, и юношу затопил свирепый восторг.

Фланн возобновил натиск, все быстрее размахивая мечом и пытаясь прижать Шефа к зрителям. Он был проворен. Но Фланн привык обмениваться ударами и отбиваться мечом и щитом-кругляшом. Он не знал, как вести себя с противником, который просто его избегал. Шеф делал высокие и длинные прыжки; пытаясь угнаться, ирландец сбивал дыхание. Армия викингов была набрана из моряков и всадников, которые были крепки в руках и плечах, но ходили мало, а бегали еще меньше.

Как только зрители разгадали тактику Шефа, их возгласы исполнились злобы. Того и гляди затеют сомкнуться и сузить кольцо. Когда Фланн прибегнул к излюбленному нисходящему диагональному удару слева – теперь чуть медленнее, чуть более предсказуемо, – Шеф впервые шагнул вперед и яростно отбил атаку, нацелясь основанием своего широкого клинка в острие длинного меча. Не хрустнуло. Но ирландец замешкался, и Шеф, отводя меч после отбива, ухитрился полоснуть по руке – брызнула кровь.

Шеф снова оказался вне досягаемости. Он не воспользовался преимуществом, метнулся вправо, а затем влево, сменив направление, как только надвинулся противник. В глазах ирландца мелькнуло изумление. Из его рабочей руки лилась кровь, и довольно сильно – достаточно, чтобы ослабить его за несколько минут, если он не успеет одержать победу.

Они оставались в центре круга долго, примерно сто ударов сердца. Фланн старался уже не только рубить, но и колоть, а Шеф не только увивал, но и отражал удары, норовя выбить меч из окровавленной руки.

Заметив, что атаки противника утратили уверенность, Шеф вновь запорхал, подпрыгивая на неутомимых ногах и кружа вокруг Фланна, не жалея сил и неизменно двигаясь влево, чтобы очутиться за правой рукой ирландца.

Дыхание Фланна уподобилось всхлипам. Он направил щит в лицо Шефа, сопроводив это движение вспарывающим восходящим ударом. Но Шеф уже сидел на корточках, оперевшись в землю фалангами держащих меч пальцев. Он отбил чужой клинок, и тот прошел намного

выше левого плеча. В мгновение ока Шеф выпрямился и глубоко всадил меч под обнаженные, мокрые от пота ребра. Когда раненый содрогнулся и шатко попятился, Шеф поймал его шею в борцовский захват и вонзил меч повторно.

Сквозь общий рев донесся голос Убийцы-Бранда:

– Добей! Отправь его в Настронд!

Шеф посмотрел в упор на перекошенное ужасом, еще живое лицо и испытал приступ ярости. Он протолкнул меч глубже в грудную клетку и ощутил, как тело Фланна свела судорога. Шеф медленно стряхнул его с меча. И увидел бледное от гнева лицо Мёрдоха. Юноша шагнул к Ивару, который стоял теперь рядом с Годивой.

– Весьма поучительно, – заметил Ивар. – Приятно видеть того, кто работает головой не хуже, чем рукой. Вдобавок ты сохранил мне серебряный браслет. Но забрал человека. Чем думаешь заплатить?

– Я тоже человек, господин.

– В таком случае ступай на мои корабли. Будешь гребцом. Но не у Мёрдоха. Приходи вечером в мой шатер, и воевода найдет тебе место.

Ивар задумчиво глянул вниз:

– У тебя на клинке зазубрина. Я не заметил, чтобы ее оставил Фланн. Чей это был меч?

Шеф замялся. Впрочем, с такими людьми чем смелее, тем лучше. Он ответил громко и дерзко:

– Это был меч ярла Сигварда!

Ивар напрягся.

– Ладно, – молвил он. – Не ровен час, нашим женщинам не будет ни мытья, ни стирки. Займемся делами.

Он отвернулся, потянув за собой Годиву, хотя та на миг задержалась, и страдальческий взгляд был обращен к Шефу.

Юноша поймал себя на том, что взирает на исполинскую фигуру Вига-Бранда. Он медленно снял амулет.

Бранд подбросил его на ладони:

– В обычном случае я сказал бы: оставь себе, малец, заслужил. Когда-нибудь ты станешь великим воином – это говорю тебе я, Бранд, славный из мужей Холугаланда. Но мне сдается, что, хоть ты и кузнец, молот Тора – не подходящий для тебя знак. Я думаю, что ты человек Одина, которого еще зовут Бильейгом, Бальейгом и Бёльверком.

– Бёльверком? – повторил Шеф. – Разве я злодей?<sup>7</sup>

– Пока нет. Но можешь стать орудием злодея. Тебя сопровождает зло, – покачал головой гигант. – Однако для новичка ты справился хорошо. Как пить дать это твое первое смертоубийство – у меня чутье, как у гадалки. Смотри, ирландцы забрали труп, но оставили меч, щит и шлем. Они твои. Таков обычай. – Говоря, он смотрел на Шефа испытующе.

Тот медленно покачал головой:

– Я не могу наживаться на том, кого отправил в Настронд, на Берег Мертвых.

Он подобрал шлем и зашвырнул в мутный поток; щит бросил в кусты; наступил на длинный узкий меч и согнул дважды, трижды, приведя в негодность, после чего оставил лежать.

– Вот оно, – молвил Бранд. – Торвин тебя этому не учил. Это знак Одина.

---

<sup>7</sup> Bale-worker – злодей (англ.).

## Глава 7

Когда Шеф вернулся в кузницу и рассказал о случившемся, Торвин не удивился. Услышав же, что юноша вольется в воинство Ивара, он устало хмыкнул, но потом рассудил:

– Лучше не ходить туда в таком жалком виде, засмеют. Ты сорвешься, и будет еще хуже.

Из груды всякой всячины, сваленной в глубине хижины, он вытянул копье с недавно замененным древком и обитый кожей щит.

– Так будет приличнее.

– Это твое?

– Иногда приносят, чтобы я починил, а после не возвращаются.

Шеф принял дары и замялся, держа на плече скатанное одеяло и другие скудные пожитки.

– Я должен поблагодарить тебя за все.

– Делаю то, что велит мой долг перед Путем. По крайней мере, я считаю это своим долгом. Возможно, ошибаюсь. Но я не дурак. Уверен, тебе нужно что-то, о чем я не знаю. Я лишь надеюсь, что это не навлечет на тебя беду. Может быть, наши дороги еще пересекутся.

Они расстались без лишних слов. Шеф во второй раз выбрался за рябиновое ограждение и в первый – пошел по дорожке между палатками, ничего не боясь, глядя прямо и не косясь по сторонам. Он направился не к стойбищу Ивара и остальных Рагнарссонов, а к палатке лекаря Ингульфа.

Вокруг нее, как обычно, толпился народ, за чем-то наблюдая. Когда Шеф приблизился, все уже разошлось; последние отбыли с носилками, на которых лежал забинтованный. Хунд вышел навстречу другу, вытирая руки о тряпку.

– Чем ты занимался?

– Помогал Ингульфу. Мы творим поразительные дела. Этот человек боролся, неудачно упал – сломал ногу, представь. Что бы ты делал, случись это дома?

Шеф пожал плечами:

– Перевязал бы. Больше ничего не придумать. Рано или поздно заживет.

– Но такой человек не сможет нормально ходить. Кости срастутся как попало. Нога будет кривой и в шишках – как у Круббы, угодившего под лошадь. Ну а Ингульф, перед тем как перевязать, вытягивает ногу и давит, пока обломки не состыкуются. Потом укладывает ногу меж пары кольев и бинтует, чтобы не гнулась, пока заживает. Но случаи вроде сегодняшнего вообще потрясающие – бывает, что перелом совсем скверный и кости торчат наружу. И он, если нужно, обрезает кость и вскрывает ногу так, что удастся затолкать ровно! Я и не думал, что можно выжить после такой резни. Но он работает очень быстро и точно знает, что делать.

– А ты сможешь так? – спросил Шеф, видя, как лицо его друга, обычно унылое и землистое, сияет от воодушевления.

– Если он объяснит хорошенько. И если сам руку набью. И кое-что еще требуется. Видишь ли, Ингульф изучает тела мертвых, чтобы узнать расположение костей. Что бы сказал на это отец Андреас?

– Значит, ты хочешь остаться у Ингульфа?

Беглый раб медленно кивнул. Он высвободил из-под рубахи цепочку с маленьким серебряным амулетом.

– Это от него. Яблоко целительницы Идун. Теперь я верую. В Ингульфа и Путь. А в Идун, может быть, и нет. – Хунд посмотрел на шею товарища. – Торвин не обратил тебя. Ты не носишь молот.

– Немного поносил. – Шеф коротко рассказал о случившемся. – Теперь, глядишь, мне удастся спасти Годиву и выбраться отсюда. Надеюсь, если я выжду достаточно долго, Бог будет добр ко мне.

– Бог?

– Или Тор. Или Один. Начинает казаться, что мне все равно. Может быть, кто-то из них следит.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет. – Шеф сжал плечо друга. – Возможно, мы больше не увидимся. Но если ты уйдешь от викингов, то надеюсь, что я однажды дам тебе приют. Пусть даже в хижине на болоте.

Он повернулся и направился к тому месту, куда он не отваживался даже взглянуть, когда они впервые вступили в лагерь викингов: к шатрам вождей.

Владения четверки Рагнарссонов простирались от восточной стены до западной на целый фарлонг вдоль реки. В самом центре стоял огромный шатер для собраний, где хватало места столам на сто человек. Рядом расположились узорные шатры самих братьев. Вокруг каждого сгруппировались палатки женщин, иждивенцев и самых верных телохранителей. Дальше тянулись ряды походных воинских палаток, обычно по три-четыре на экипаж, среди которых попадались и меньшие – для капитанов, кормчих и воевод. Свиты братьев старались держаться особняком.

В подчинении у Змеиноглаз состояли в основном датчане: вся армия знала, что Сигурд со временем вернется в Данию как претендент на престол в Зеландии и Сконе, принадлежавших его отцу, а затем выступит и с притязаниями на Данию от Балтийского моря до Северного – этот престол не доставался никому со времен короля Готфрида, воевавшего с Карлом Великим.

Убби и Хальвдан, не имевшие доли в наследстве и права ни на какой трон, кроме того, что добудут сами, набирали людей отовсюду – шведов, гаутов, норвежцев, жителей Готланда, Борнхольма и всех островов.

Ивар окружал себя изгоями того или иного сорта. Многие из них, несомненно, были убийцами, бежавшими от мести или правосудия. Но костяк его войска составляли морские бродяги из норманнов, которые на протяжении поколений стягивались на кельтские острова – Оркнейские и Шетландские, потом на Гебридские и на побережье Шотландии. Много лет эти люди закалялись в частых сражениях с жителями Ирландии, Мэна, Стратклайда, Галлоуэя и Кумбрии. Между собой они похвалялись – хотя их притязания яростно отвергались многими, особенно норвежцами, считавшими Ирландию своей вотчиной, которой им и распоряжаться, – что настанет день, когда Ивар Рагнарссон будет править самим Дуб-Линном, всей Ирландией из замка у черного пруда, а после поведет своих доблестных моряков на слабые королевства христианского Запада. «Уи Нейллы<sup>8</sup> еще скажут свое слово», – говорили друг другу гадгедлары на ирландском языке, до которого не опускались ни гебридцы, ни норманны. Но говорили тихо. При всей своей гордости они понимали, что соотечественники сильнее прочих ненавидят их самих – отступников от Христа, сообщников тех, кто подверг Ирландию огню и мечу. Ведь они совершили злодеяние ради денег и власти, а не для славы и удовольствия, как было в обычае ирландцев со времен Финна, Кухулина и великих воинов Ольстера.

В этот-то разношерстный лагерь, готовый взорваться от малейшей ссоры, и вошел Шеф, когда вокруг уже разводили костры для приготовления ужина.

Его встретил воевода, который выяснил его имя, выслушал рассказ, неодобрительно покосился на убогое снаряжение и хмыкнул. Он кликнул из толпы юношу, чтобы тот показал Шефу его палатку, спальное место и весло на корабле, а также ознакомил с обязанностями. Парень – Шеф не запомнил его имени, да и не хотел – сообщил, что новичку предстоит пооче-

---

<sup>8</sup> Правящие династии Ирландии и Шотландии, потомки Ниалла Девять Заложников, полумифического короля Ирландии.

редно нести четыре караульные службы: при кораблях, воротах, загонах и, если понадобится, при палатке Ивара. Всем этим занимался в основном экипаж.

– Я думал, Ивара охраняют гадгедлары, – сказал Шеф.

Юноша сплюнул:

– Да, когда он на месте. Если уходит, гадгедлары сопровождают его. Но ценности и женщины остаются. За ними нужно присматривать. Да и всяко гадгедларам не поздоровится, если они отойдут от Ивара слишком далеко, – на них точат зуб Кетиль Плосконосый со своими людьми, Торвальд Глухой и еще десяток вождей.

– И нам доверят караулить палатку Ивара?

Юноша косо посмотрел на Шефа:

– Почему бы и нет? Скажу тебе вот что, enzk<sup>9</sup>: если подумываешь о богатствах Ивара, то лучше выброси эти мысли из головы. Целее будешь. Ты слышал, что Ивар сделал в Науте с ирландским королем?

Он на ходу подробно расписал все, что Ивар сделал с королями и фигурами помельче, которые вызвали его неудовольствие. Шеф слушал вполуха, с огромным интересом рассматривая лагерь. Было ясно, что новичка нарочно запугивают байками.

Слабым звеном он счел корабли. Для того чтобы втащить их на отмели, требовалось свободное место, поэтому там не было укреплений. Но в то же время корабли были главным достоянием викингов. Если отряд противника проберется мимо речной стражи, то окажется среди ладей с факелами и топорами – и тогда быть беде.

Другое дело – часовые у ворот. Их трудно застать врасплох. Любая схватка будет происходить на ровной почве и при равных условиях, а огромные топоры и метательные копья викингов принесут им легкую победу. Любому, кто прорвется через заслон, останется лишь прорубаться сквозь строй за строем в лабиринте палаток и канатов.

Теперь загоны... Их собственный находился у восточной стены: хлипкая ограда из кольев и кожаных веревок. За ними ютились люди под холщовым навесом, защищавшим лишь от дождя. Они были скованы по рукам и ногам кандалами, однако, как заметил Шеф, друг с другом соединены только ремнями. Цепи стоили слишком дорого. Но к тому моменту, когда человек перегрызет кожаные путы, спохватится даже самый непутевый стражник, а за малейшее неповиновение рабов жестоко наказывают. Проводник Шефа обронил, что если сильно изувечить раба, то его уже не продать, а потому лучше прикончить в назидание остальным.

Заглянув через ограду в загон, Шеф заметил знакомую голову. Человек пребывал в глухом отчаянии, уткнувшись взглядом в землю; в его белые кудри въелась грязь. Альфгар, единоутробный брат, трофей из Эмнета. Голова шевельнулась, словно почувствовав взгляд, и Шеф мгновенно опустил взор, как бывало на охоте, когда он выслеживал олениху или кабана.

– Вы так и не продали ни одного раба с тех пор, как прибыли? – Нет. Слишком опасно везти их морем, у англичан повсюду засады. Эти принадлежат Сигварду. – Юноша снова выразительно сплюнул. – Он ждет, пока кто-нибудь расчистит ему путь.

– Расчистит путь?

– Через два дня Ивар заберет половину армии на бой с корольком Ятмундом – у вас его зовут Эдмундом. Пусть сражается, иначе его страну разорят. Мы бы действовали попроще, но уже потеряли слишком много времени. Поверь, Ятмунду несдобровать, когда до него доберется Ивар...

– А что же мы? Останемся или выступим?

– Наша команда останется. – Юноша вновь посмотрел на Шефа не то озадаченно, не то сердито. – Зачем, по-твоему, я все это рассказываю? Будем охранять от зари до зари. Жаль, что я не пойду. Хочется посмотреть, как наши разделяются с этим королем, когда поймают. Я

---

<sup>9</sup> Англичанин (др. – сканд.).



же сказал тебе про Наут. Ну, зато я был на реке Бойн, когда Ивар грабил гробницы покойных королей, а жрец Христа вздумал остановить нас. И вот что сделал Ивар...

Эта тема захватила юношу и его товарищей на весь ужин, состоявший из похлебки и соленой свинины с капустой. Еще был бочонок эля, которому проломили крышку топориком или боевым топором, и все угостились вволю. Шеф хватил лишку, и события дня перемешались в его голове. Он усердно обдумывал все, что узнал, пытаясь составить хотя бы черновой план. До своего ложа добрался вконец измученный. Гибель от его руки ирландца казалась мелочью, событием далекого прошлого.

Наконец Шеф погрузился в сон – в нечто большее, чем сон.

*Он выглядывал из окна, приотворив ставни. Была лунная ночь, настолько светлая, что быстрые тучи даже во мраке отбрасывали тусклую тень. И вдруг сверкнуло.*

*Рядом стоял человек, невнятно объяснявший, что это было. Но Шеф не нуждался в объяснениях. Он знал. В нем нарастало тупое чувство обреченности. Ей противостоял прилив гнева. Юноша пресек объяснения.*

*«Это не утренняя заря, – молвил Шеф-который-был-не-Шеф. – И не дракон, и не горящая кровля дома. Сверкают обнаженные мечи тайных врагов, идущих сразить нас во сне. Ибо проснулась война, которая принесет бедствие всем людям. Поэтому поднимайтесь, мои воины, помыслив о доблести; охраняйте двери, сражайтесь героически».*

*Во сне позади него зашумели воины – они вставали, подхватывали щиты, застегивали ремни с мечами.*

*Но во сне и над сном, не в зале дворца, не в строках героической саги, которая разворачивалась у него на глазах, Шеф слышал могучий глас – слишком зычный для человеческого горла. Он знал, что это глас бога. Но не такой, каким представляется божий глас любому человеку. Без всякого достоинства и благородства. Насмешливый, язвительный.*

*«О, полудатчанин, который не из полудатчан! – произнес он. – Не слушай отважного воина. Не выходи на бой, когда придет беда. Ищи землю. Ищи землю».*

Шеф резко очнулся, почуяв чад. Еще не одолев сонливость, он несколько секунд гадал: странный запах, что-то едкое вроде смолы, почему горит смола? А потом все вокруг пришло в движение; его пнули в живот, и он мигом пришел в себя. В палатке царил кавардак, люди искали одежду и оружие в кромешной тьме; затем стал виден огонь снаружи. Шеф осознал вдруг, что отовсюду несется рев. Крики, треск дерева и над всем – оглушительный лязг клинков о клинки и клинков о щиты. Грохот нешуточной битвы.

В палатке орали и бестолково метались. Снаружи кричали по-английски, и вдруг голоса зазвучали всего в нескольких ярдах. Шеф вдруг понял, о чем говорил мощный глас, еще отдававшийся в ушах. Он бросился на землю и протиснулся в середину, подальше от стен. Едва он это сделал, как бок палатки просел и внутрь сунулось блестящее копьё. Юноша, который наставлял Шефа, полуобернулся, все еще путаясь ногами в одеяле, и получил сильнейший удар в грудь. Шеф подхватил тело и уложил поверх себя, вторично за считанные часы ощутив предсмертную судорогу.

Палатка рухнула, и по ней затопали, вонзая копьё в извивавшихся людей, которые оказались в ловушке. Тело в объятиях Шефа дернулось еще и еще; во тьме – в каких-то дюймах – раздался крик боли и страха; клинок погрузился в землю, задев выставленное колено Шефа. Затем топот прекратился, голоса переместились вдаль, и в десяти ярдах по направлению к центру лагеря вновь зазвенели клинки и раздались вопли.

Шеф понял, что произошло. Английский король принял вызов викингов, атаковал их лагерь среди ночи и, показав отменную организацию и воспользовавшись самоуверенностью врагов, прорвался либо через строй кораблей, либо через вал с частоколом и устремился к

шатрам вождей. Шеф схватил штаны, обувь, пояс с мечом и выбрался из-под тел своих временных товарищей наружу. Там оделся и, пригибаясь, побежал.

Вокруг на двадцать ярдов не было никого на ногах. Между Шефом и частоколом лежали поваленные палатки и поверженные воины, иные слабо звали на помощь или пытались встать. Английские налетчики пронеслись по лагерю, истребляя все, что двигалось. Уцелели под их ударом немногие.

Прежде чем викинги оправятся и изготоятся к бою, противник далеко углубится в их лагерь, и тогда ничьей не бывать – только победа или поражение.

Горело и дымилось все побережье; пламя, встречавшее парус или свежепросмоленный каркас, исправно вспыхивало; в огне плясали демоны, метавшие копьа и размахивавшие мечами и топорами. При первом натиске англичан сопротивление не могло быть яростным. Но те викинги, которые оказались ближе других к кораблям, сплотились, чтобы отчаянно защищать своих «скакунов моря». Что же творилось у палаток Рагнарссонов? «Не пора ли вызволять Годиву?» – подумал Шеф с холодной расчетливостью, не оставлявшей места сомнениям.

Нет. Бой явно не затихал, и обе стороны свирепо бились. Если викинги отразят атаку, Годива останется рабыней, наложницей Ивара. Но если нет, а Шеф окажется рядом, чтобы спасти ее...

Он побежал не к месту сражения, где лишнему слабовооруженному человеку не найти ничего, кроме скорой смерти, а в сторону противоположную, к валам с частоколом, где пока было темно и тихо. Не совсем тихо. Шеф осознал, что бой идет не только поблизости, но и вдали, возле валов, усаженных кольями. Во мраке летали копьа, над бревнами взмывали языки пламени. Король Эдмунд напал сразу со всех сторон. Каждый викинг спешил к ближайшему опасному месту. Пока норманны сообразят, где жарче всего, Эдмунд либо одержит верх, либо проиграет.

Шеф тенью помчался к невольничьим загонам. Когда он приблизился, навстречу во тьме, разрываемой сполохами, заковылял человек с почерневшим от крови бедром и повисшим в руке мечом.

– Fraendi! – Человек назвал Шефа другом. – Пособи мне, останови кровь...

Шеф ударил снизу, провернул клинок, выдернул.

«Один готов», – подумал он, подобрав меч.

Стража осталась на месте, она сбилась в кучу перед воротами загона и явно намеревалась воспротивиться любому натиску. Над кольями по всей длине ограды маячили головы – привязанные рабы пытались увидеть происходящее. Шеф перебросил длинный меч через ближайшую стену и молнией последовал за ним. Охрана взвыла, заметив его, но не тронулась с места – не рискнула оставить ворота.

Шеф очутился в вонючей, цепкой толпе. Он ругался по-английски, расталкивая пленников. Одному перерубил кожаные путы на руках и ногах, сунул в руки длинный меч.

– Режь остальные, – прошипел он, спешно повернувшись к следующему и выхватив из ножен собственный меч.

Увидев, что происходит, к нему протянули руки; потом схватились за ножные путы и подняли выше, чтобы легче было резать. Сердце ударило раз двадцать, а он освободил уже десяток рабов.

Ворота со скрипом отворились, охрана решила войти и обуздать пришельца. Стоило появиться первому стражу, как его схватили за руки и за ноги, в лицо впечатался кулак. В следующий миг он лежал на земле, лишившись топора и копьа; удары же обрушились на его товарищей, которые всем скопом ввалились со света во мрак. Шеф, исступленно кромсавший ремни, вдруг увидел Альфгара; лицо единоутробного брата исказилось от изумления и ярости.

– Мы должны найти Годиву.

Альфгар кивнул.

– Ступай со мной. Эй вы! – Шеф сорвался на крик. – Оружие у ворот, разрежьте путы. Все, кто вооружен и хочет сразиться за Эдмунда, – через стену и за мной!

Он захватил меч, шагнул к стене, схватился за острия кольев и снова преодолел ограду мощным прыжком. Альфгар присоединился мигом позже, пошатываясь; он еще не пришел в себя от внезапного освобождения. За ним последовало два десятка полуголых; другие еще только карабкались через стену. Некоторые опрометью бросились в спасительную темноту, кто-то обратил свой гнев на охранников, все бившихся у ворот. Шеф побежал обратно мимо поверженных палаток, сопровождаемый дюжиной людей.

Оружие было повсюду – упавшее там, где погибли его владельцы, или сложенное на ночь. Шеф отшвырнул палаточный лоскут, перескочил через труп, забрал копье и щит. Последовала долгая пауза, пока его люди вооружались. Юноша рассмотрел их, тяжело дыша. В основном крестьяне, но озлобленные и отчаянные, доведенные до безумной ярости жестоким обращением. Правда, тот, который стоял впереди и пылливо смотрел на него, был суцая гора мускулов и держался как воин.

Шеф указал вперед, где продолжалась битва за нетронутые палатки викингов-военачальников.

– Король Эдмунд там, пытается убить Рагнарссонов, – сказал он. – Если преуспеет, то викинги будут разбиты, обратятся в бегство и никогда не оправятся. Если проиграет, нас снова переловят и все деревни и шайры будут в опасности. Мы свободны и вооружены. Давайте присоединимся к нашим и прорвемся вместе.

Освобожденные рабы дружно устремились к месту сражения.

Альфгар задержался:

– Тебя не было с королем Эдмундом, ты полуголый и плохо вооружен. Откуда знаешь, где искать Годиву?

– Заткнись и не отставай.

Шеф снова побежал, пробираясь через столпотворение к палаткам, где жили женщины Ивара.

## Глава 8

Король Эдмунд, сын Эдвольда, потомок Редвальда Великого, последний из Вуффингов<sup>10</sup>, а ныне Божьей милостью король восточных англосаксов, в досаде и гневе смотрел через прорези своей боевой маски.

Еще один натиск, и отчаянное сопротивление викингов будет сломлено, Рагнарссоны погибнут в огне и крови, а остатки Великой армии откатятся в ужасе и смятении. Но если они выстоят... Он знал, что в этом случае опытные викинги вскоре смекнут: их периметр осаждают ничтожные керлы с факелами, а настоящая атака – здесь, здесь... И тогда они выиграют битву на берегу, одолеют числом; англичане же уподобятся крысам, которые спрятались на последнем нескошенном пятачке пышного луга.

У Эдмунда не было сыновей. Все будущее его рода и королевства зависело теперь от этой сумятицы, полной крика и лязга, где с каждой стороны билось человек сто – уцелевшие отборные воины Восточной Англии против костяка личного воинства Рагнарссонов. Одна сторона надрывалась, стараясь пробиться на ограниченный рекой участок с палатками Рагнарссонов; другая, уверенно стоявшая в хитросплетении растяжек, стремилась продержаться пять минут, чтобы войско викингов оправилось от немыслимого шока, вызванного нападением англичан.

И норманны держались. Рука Эдмунда напряглась на окровавленной рукояти меча, и он подался вперед, будто готовый устремиться в атаку. С обоих боков мгновенно придвинулись могучие тени – старшие телохранители заслонили его собой и щитами. Королю не дадут броситься в рукопашную. Они очутились рядом, как только закончилось избивание спящих и начался бой.

– Не горячись, повелитель, – буркнул Вигга. – Смотри, там Тотта с ребятами. Они перебьют эту сволочь.

При этих словах центр битвы сместился: сперва на несколько футов вперед, когда викинг рухнул и англичанин ринулся в брешь. Потом назад, назад. Над шлемами и поднятыми щитами вращался боевой топор, и глухие удары, с которыми он раскалывал липовые доски, переходили в скрежет рвущихся кольчуг. Из колыхавшейся толпы исторглось тело, разрубленное от горла до грудины. На миг Эдмунд узрел гиганта, который раскручивал топор, как пращу, и подзывал англичан. Они свирепо устремились на клич, и королю осталось смотреть на их напряженные спины.

– Должно быть, мы прикончили уже тысячу этих скотов, – сказал Эдди, стоявший с другого бока.

Эдмунд знал, что кто-то из них вот-вот произнесет: «Повелитель, вам пора убраться отсюда!» – и его уведут. Если удастся уйти. Большая часть его войска, состоявшая из сельских танов и их рекрутов, уже отступала. Они свое дело сделали: ворвались через ограду вслед за королем и его отборными воинами, умертвили спящих, одолели корабельную стражу и подожгли столько ладей, сколько смогли. Но никто не требовал от них держать строй и обмениваться ударами с опытными воинами Севера; они и не собирались. Застать викингов врасплох, спящими и без доспехов, – извольте. Драться же с бодрствующими и разъяренными лицом к лицу – найдите кого получше.

«Всего один натиск, – взмолился Эдмунд. – Всемогущий и вечный Господь – один только натиск на этом участке, и мы прорвемся и атакуем со всех сторон! Война закончится, и язычники лягут костями. Не будет больше ни зарубленных отроков на лугах, ни утопленных в колод-

---

<sup>10</sup> Династия, правившая в англосаксонском королевстве Восточная Англия. Название рода пошло от имени раннего восточно-английского короля Вуффы.

цах младенцев. Но если противник продержится еще минуту, если косарь подточит косу... Тогда сокрушат нас и меня постигнет участь Вульфгара».

Мысль об искалеченном тане так ускорила его сердце и расперла грудь, что чуть не лопнула кольчуга. Король отпихнул Виггу и устремился вперед с мечом наголо, выискивая брешь в рядах бойцов. Он крикнул во все горло, аж задрожало забрало старинного шлема:

– На прорыв! На прорыв! Клянусь, тот, кто сокрушит их ряды, получит сокровища Редвальда! И пять сотен тому, кто принесет мне голову Ивара!

В двадцати шагах от него Шеф собрал свой скромный отряд недавних узников. На реке уже пылало множество просмоленных кораблей, и поле боя озарялось мертвящим светом. Все походные палатки были повалены и затоптаны англичанами, их обитатели лежали кто мертвый, кто раненый. Лишь впереди устояло восемь шатров из десяти – жилища Рагнарссонов, их воевод, телохранителей и женщин. Вокруг кипело сражение.

Шеф повернулся к Альфгару и мускулистому тану, стоявшим на шаг впереди горстки полувооруженных, запыхавшихся керлов.

– Нам нужно пробиться вон к тем палаткам. Там Рагнарссоны.

«И Годива», – подумал он.

Но здесь только Альфгару и самому Шефу небезразлична ее судьба.

При свете пламени тан осклабился в невеселой улыбке.

– Смотри, – указал он.

И снова, едва прояснилось, обозначились два черных силуэта; казалось, языки пламени всякий раз застигают этих воинов в новой скрюченной позе. Мечи мелькали; всегда клинок налетал на сильную часть клинка; удары сыпались сверху, сбоку, под любыми углами, неизменно наталкиваясь на своевременный отбив. Воины уклонялись и наседали, воздевали щиты, подскакивали при подсечках, после каждого удара меняли позу для следующего выпада, старались использовать даже вражеские атаки для получения мизерного преимущества, выгадать пользу от усталости чужого запястья, от нагрузки, от колебания.

Тан произнес почти любовно:

– Погляди на них, на обе стороны. Это королевские воины и лучшие пираты. Они дренгиры, здесь таких называют чемпионами<sup>11</sup>. Сколько мы продержимся против них? Я, может быть, и займу одного на полминуты. Ты – не знаю. А из этих мигом сделают фарш. – Он указал большим пальцем на стоявших позади керлов.

– Уходим отсюда, – резко сказал Альфгар.

Керлы заволновались.

Тан вдруг поймал Альфгара за плечо, стиснул:

– Нет. Слушайте! Это голос короля. Он обращается к своим верным людям. Слышите, чего он хочет?

– Он хочет голову Ивара, – прорычал керл.

Внезапно они гурьбой пошли вперед – копья наперевес, щиты наготове, и тан среди них.

«Он знает, что ничего не выйдет, – понял Шеф, – а я знаю, как надо действовать!»

Он выскочил перед строем, жестикулируя, направляя. Люди опешили, но потом до них дошло. Они развернулись, побросали оружие и двинулись к ближайшей горевшей ладье.

Зов короля перекрыл лязг стали, и викинги тоже вняли ему и поняли. Многие из них годами владели наложницами-англичанками, и так же их отцы.

– Король Ятмунд хочет твою голову! – крикнул один из ярлов.

– А мне ни к чему голова Ятмунда! – откликнулся Ивар. – Он нужен живым!

---

<sup>11</sup> Слово «champion» пришло из старофранцузского языка, в котором имело значения «боец», «силач», «победитель».

– Зачем?

– Я хорошенько подумаю. Устрою что-нибудь новое. Что-то поучительное.

Что-то, способное вернуть его людям боевой дух.

Ивар, метавшийся с края на край, отметил, что бой чересчур приблизился. Он в жизни бы не подумал, что такому мелкому королевству хватит духу напасть на Великую армию в ее собственном лагере.

– Ладно, – негромко сказал он гадгедлару из личного резерва, ждавшему за чертой боя. – Дальше тянуть незачем. Им не прорваться. Как только скажу, мы начнем наступать. Прoberись между палатками, в драку не лезь. Я хочу, чтобы ты захватил их королька. Видишь Эдмунда? Вон там коротышка в боевой маске.

Ивар набрал в грудь воздуха, чтобы бросить сквозь грохот битвы насмешливый вызов Эдмунду: «Двадцать унций! Двадцать унций золота тому, кто приведет ко мне английского короля! Но только не убивайте. Возьмите его живым!»

Но не успел он исторгнуть эти слова, как Мёрдох и его ирландцы, стоявшие вокруг, разинули рты от изумления.

– Смотрите!

– На нас идет огненный крест!

– Мас na hóige slán!<sup>12</sup>

– Помилуй нас, Матерь Божья!

– Что это, во имя Одина?

Возвышаясь над сражавшимися мужами, к ним несло нечто чудовищное – громадный пламенеющий крест. Ряды англичан расступились; Убийца-Бранд выпрыгнул, подняв топор. Огромное бревно повалилось вперед, отчасти направленное приплясывавшими людьми, которые его несли.

Бранд отскочил, споткнулся о веревку и с грохотом рухнул. Ивара чем-то ударило по плечу, и оно враз онемело. Гадгедлары бросились кто куда, едва провощенные палатки занялись пламенем. К шуму сражения добавился женский визг. И в тот же миг с лицом яростным и восторженным возник полуголый керл; на его запястье болтались кандалы. Он вторгся в расстроенные ряды своих работодателей.

Ивару метнули в лицо копье. Не думая, он махнул мечом, срубив острие в ту же секунду, когда плечо пронзило болью. Керл подскочил, развернул свое неуклюжее оружие и ударил Ивара по виску.

Несущаяся навстречу земля, падение в огнедышащие шкуры и вощеную ткань... «Сражен деревенщиной, – пронеслось в мозгу Ивара перед тем, как сознание объяла тьма. – Но я же великий воин Севера!»

Из пламени выпрыгивали все новые фигуры. «Тот самый парень, – подумал Ивар, – который был у запруды. Но ведь он из моих...»

Босая нога опустилась на его пах, и тело перестало сопротивляться.

Шеф бежал вдоль дымящейся мачты. Его обожженные руки распухли и покрылись пузырями. Перевязывать их было некогда. Едва только керлы вытащили из огня мачту, где сохранилась рея, Шеф, Альфгар и тан подхватили ее за верхушку и устремились к побоищу, отчаянно стараясь удерживать ношу торчком, чтобы обрушить в гущу воинов. Но стоило это сделать, как их едва не затоптала толпа разъяренных керлов. За ними же, он знал, шли лучшие воины короля Эдмунда, остервенев от гнева, страха и страстного желания убивать.

Сначала нужно добраться до Годивы.

---

<sup>12</sup> Ирландская идиома. Букв.: «Сын Богородицы жив!»

Керл, топтавшийся перед ним, колотил древком копья ошеломленного викинга. Под ногами Шефа кто-то стонал и ворочался. Еще один керл упал, сраженный ударом сбоку. Желтые накидки развевались повсюду: гадгедлары спасались бегством, охваченные суеверным ужасом перед огненным крестом, который явился покарать их за отступничество. И слышались пронзительные женские вопли.

Шеф мигом свернул налево к раздутой палатке: кричали оттуда. Он обнажил меч, нагнулся и вспорол ее на уровне колена, после чего схватил ткань и дернул что было сил.

Женщины хлынули наружу, как вода через сломанную плотину, – в рубахах, платьях; по меньшей мере одна была голая со сна. Где же Годива? Вон она, в платке! Шеф схватил ее за плечо, развернул к себе, сорвал платок. Россыпь соломенных волос, казавшихся медными от небесного пламени; бешеные светлые глаза – ничего общего с серыми, которые у Годивы. Кулак ударил в лицо, и он отшатнулся, испытыв потрясение и постыдную боль: схлопотать по носу среди повальной героической смерти!

Потом женщина скрылась, и Шеф заметил знакомый силуэт. Эта наложница не семенила, как остальные, а мчалась, точно юная серна. В самое пекло.

Теперь англичане были повсюду; они проникли на особо охранявшийся участок и разили врагов спереди и с тыла, вознамерившись истребить пиратскую верхушку за те немногие секунды, что у них были, прежде чем помощь и месть подоспеют из основного лагеря. Они рубили все, что двигалось, обуянные страхом, торжеством и давней жадой расплаты.

Шеф метнулся вперед и поймал ее: обхватил за бедра и перебросил через плечо, как неистовый воин. Заметив движение позади, он резко развернулся и махнул мечом на уровне пояса.

Двое откатились в сторону в путанице ног, одежды, скрюченных пальцев, и над ними завязалась новая драка. Потом Шеф обхватил свою пленницу и поволок в тень шатра, где были только трупы.

– Шеф!

– Да, я. – Он прикрыл ей ладонью рот. – Слушай! Надо убираться, сейчас же! Другой возможности не будет. Здесь все погибнут. Если прорвемся через сечу, то выйдем к реке. Поняла? Теперь идем.

Держа в одной руке меч, а другой прижимая к себе Годиву, Шеф крадучись шагнул в потемки и вгляделся, ища путь через полсотни разрозненных поединков.

Эдмунд подумал, что бой закончен. И он проиграл. Да, он прорвал последнее кольцо викингов благодаря толпе деревенщины, которая выскочила невесть откуда с полуголым юнцом во главе. За последние минуты он нанес серьезный ущерб ядру Великой армии, которая уже никогда не будет прежней – во всяком случае, не сможет без содрогания вспомнить лагерь на Сторе. Но он пока не видел ни одного мертвого Рагнарссона. Небольшие группы еще сражались спиной к спине, и Рагнарссоны наверняка были там. Победа была бы верной только при том условии, что Эдмунд удержал бы этот участок и перебил всех до единого.

Такая возможность ему не представится. Король чувствовал, как остывает в нем кровавая ярость, сменяясь неспешным холодным расчетом. Шум, доносившийся из-за палаток Рагнарссонов, из главного лагеря, ослаб, и это был зловещий признак. Осыпаемые стрелами из-за частоколов, сбитые с толку ложными атаками королевских воинов и нападением с тыла вооруженных ножами керлов, викинги бросили Рагнарссонов на произвол судьбы. Но этих опытных бойцов не удастся дурачить долго. Они не останутся в стороне, когда истребляют их вожаков.

Эдмунд приметил, что за огненной чертой собираются люди. Им отдавали приказы. Кто-то готовился обрушить на него отряд в тысячу человек, как боевой молот на лесной орех. Сколько осталось у короля людей, не разбежавшихся и способных держать оружие? Пятьдесят?

– Пора уходить, повелитель, – буркнул Вигга.

Эдмунд кивнул, понимая, что протянул до последнего. Путь к отступлению все еще свободен, и у него осталась горстка доблестных соратников, которые отшвырнут разрозненных врагов, что окажутся между ним и восточным частоколом.

– Назад, – приказал он. – Туда, откуда начинали. Убивайте всех, даже лежащих. Даже своих! Не оставляйте их Ивару.

Сознание возвращалось медленно: то ли есть оно, то ли его нет. Пришлось судорожно хвататься за него, вытаскивать. Надвигалось что-то жуткое. Он чувствовал, как земля сотрясается от тяжелого топота. Это был драугр, великан – раздувшийся и посиневший, как трехдневный покойник; сильный, как десяток мужчин, что обитают в Чертоге Могучих, но возвращаются на землю докучать своим потомкам. Или мстить за свою смерть.

Ивар вспомнил, кто он такой. А в следующий миг смекнул, что это за драугр. Ирландский король Мэл Гуала, несколько лет назад принявший смерть от его руки. Ивар хорошо запомнил лицо кельта, мокрое от пота и искаженное болью и яростью; помнил и то, как Мэл Гуала бесстрашно осыпал Рагнарссона проклятиями, когда колеса провернулись и сильнейшие мужи армии налегли на рычаги. Короля сгибали на камне все круче, пока внезапно...

Едва воссоздался хруст сломанного хребта, Ивар очнулся полностью. Что это на лице – шкура, ткань? Может, его уже завернули в погребальный плащ? Невольное движение отозвалось сильнейшей болью в правом плече, но она улетучилась вместе с заполнявшим голову туманом. Он резко сел, и в черепе стрельнуло, но не с правой стороны, а с левой – противоположной той, куда нанесли удар. Значит, ушиб. Знакомая история. Надо отлежаться, но не сейчас; он понял, где находится.

Ивар медленно поднялся, испытав приступ тошноты и головокружения. Меч остался в руке, и викинг попробовал поднять его. Не получилось. Он опустил клинок и тяжело оперся на рукоять, ощутив, как острие утонуло в утрамбованной почве. Взглянул на запад промеж распоротых палаток, где человек тридцать еще продолжали отчаянно биться, чтобы выгадать время да уничтожить врагов – и увидел свою судьбу, уже подступавшую.

Не драугр, а король. Прямо на Ивара, пригнувшись, явно спасаясь бегством, шел невысокий, коренастый человек в боевой маске. Английский королишка Ятмунд. С боков и сзади его сопровождало полдюжины гигантов-силачей не хуже викингов, не хуже Вига-Бранда – очевидно, личные телохранители короля, цвет королевской рати; чемпионы, как называли их англичане. Они старательно рубили и кололи на ходу, действуя расчетливо и умело, не пропуская ни одного лежащего. Просто работали. С одним Ивар мог бы помериться силами, будь он цел, невредим и готов послужить примером для своего воинства. А он едва держал оружие, не говоря уже о том, чтобы разить им. Викинг попытался встать к врагам лицом, чтобы впоследствии никто не посмел сказать, будто Ивар Рагнарссон, великий воин Севера, был застигнут врасплох или пал при попытке бежать. В тот же миг к нему повернулась боевая маска.

Раздался вопль узнавания, взлетела рука, наставился указующий перст. Англичане дружно перешли на бег, вскинув мечи; телохранители тщетно пытались опередить своего короля.

Как только Эдмунд атаковал, Шеф, перебежавший из тени в тень и державшийся в стороне от бучи, увидел между поваленными палатками брешь, отчаянно втолкнул туда Годиву и напрягся для последнего броска к свободе.

Девушка без предупреждения вырвалась и помчалась впереди него. Она схватила за руку раненого человека, чтобы его поддержать. Христос милосердный! Это был Ивар! Обессиленный, жалкий, еле стоявший на ногах!

Губы Шефа растянулись в зловещем оскале, и он прыгнул как леопард: скачок, другой, а меч опущен до уровня бедра и нацелен ниже подбородка, туда, где голое место.



Тогда Годива выросла перед юношей и вцепилась в руку. Он попытался отшвырнуть ее, но она уперлась и принялась колотить его кулаком в голую грудь. При этом истошно кричала: – Сзади! Сзади!

Шеф стряхнул ее, развернулся и увидел, что меч уже летит к его шее. Тот натолкнулся на клинок и ушел вверх. Второй удар последовал сразу. Шеф поднырнул и услышал свист, с которым лезвие рассекло воздух; одновременно он осознал, что Годива находится позади и ему придется прикрывать ее телом.

И он попятился к лабиринту растяжек, теснимый полудюжиной бойцов, которые шли за коротышкой в причудливой позолоченной боевой маске. То был король. Но его ранг и число подручных потеряли значение, ибо на миг остались только двое, лицом к лицу: пес и раб Шеф – и король восточных англов.

– Прочь с дороги, – шагнул вперед Эдмунд. – Ты англичанин. Это ты приволок мачту и сломал вражий строй. Я видел! За тобой стоит Ивар. Убей его или дай мне убить, и получишь обещанную награду.

– Женщина, – сбивчиво произнес Шеф.

Он хотел сказать: «Оставь мне женщину». Но не успел.

Слишком поздно. Проход между палатками расширился, и воины Эдмунда увидели свой шанс. Один из них мгновенно вырос подле короля и сделал яростный выпад, целясь в полу-голою сопляку; укол, направленный снизу вверх, преобразился в рубящий удар, и щит взметнулся, когда не удалось перерубить ни ребро, ни запястье. Шеф отступил, пригнулся, увернулся, как в поединке с ирландцем Фланном, не делая попытки ни отбиться, ни контратаковать.

– Забирайте его! – крикнул он.

Он отбил выпад, поднырнул под щит, отчаянно вцепился в волосатую кисть, вывернул и швырнул славного Виггу через бедро, как бывало в борьбе на деревенской лужайке.

Шеф метнулся на землю. Вокруг замелькали ноги; зазвучали крики и лязг. На защиту вождя примчался десяток викингов с Вига-Брандом во главе. И вот уже они истребляют свиту, сомкнувшуюся вокруг монарха, а Ивар без умолку заклинает пощадить Ятмунда, потому что король нужен живым.

Не обращая внимания на толчею, Шеф перекатился и увидел, что Годива стоит в нескольких шагах от сражающихся и панически озирается по сторонам. Он схватил девушку за руку и поволок к затухающим кострам и мутным водам Стора. Позади лежало в руинах английское королевство, а если пираты схватят Шефа еще раз, его участь будет ужасна.

Но Годива жива и здорова. Он спас ее.

Хотя она спасла Ивара.

## Глава 9

Позади на востоке бледнели звезды. Юноша и девушка осторожно пробирались сквозь лесную чащу. Оглядываясь, Шеф видел верхушки деревьев, которые чернели на фоне неба и чуть подрагивали на том неощутимом внизу ветерке, что всегда бывает перед рассветом. Ноги омывала роса, когда случалось пересекать поляну, образовавшуюся после падения дуба или ясеня.

День будет жарким, подумал Шеф. Богатое на события лето подходило к концу.

Скорее бы он наступил.

Оба продрогли. На Шефе были только башмаки и шерстяные штаны, прихваченные в момент нападения англичан. Годива была в одной рубаше. Платье она сняла перед тем, как погрузиться в воду близ горевших драккаров. Она плавала не хуже выдры, и им обоим, подобно выдрам, приходилось выныривать, проплыв под водой сколько хватало сил; над водой же они старались двигаться бесшумно: ни вдоха, ни всплеска.

Десять вдохов и сто медленных гребков сквозь водоросли, против неспешного течения. Когда голова над водой, легкие наполняются до отказа воздухом, а глаза осматривают часток, за которым могли остаться дозорные. Потом глубокий нырок – и снова долгий путь под водой, и снова, и так на протяжении четверти миль, пока Шеф не решает наконец, что можно безбоязненно выйти на сушу.

Его не знобило, когда он бежал из лагеря; обожженная кожа едва ощутила первое погружение в воду. Но теперь юношу охватила неукротимая дрожь, его трясло с головы до пят. Шеф понял, что может лишиться чувств, если не ляжет вскоре и не даст отдых мускулам. А еще необходимо примириться со случившимся в последние сутки. Он убил человека – нет, двоих. А еще увидел короля – такое в обычной жизни могло случиться раз, от силы два. Но и король заметил юношу, даже заговорил с ним! И Шеф стоял лицом к лицу с Иваром Бескостным, великим воином Севера. Шеф знал, что убил бы его, не вмешайся Годива. Он стал бы героем всей Англии, всего христианского мира.

А после он предал своего короля, задержал его и чуть не отдал во власть язычникам. Если кто-нибудь узнает...

Шеф отмахнулся от этой мысли. Они убежали. Об Иваре он спросит Годиву потом. И выяснит, что у нее с викингом.

Когда рассвело, Шеф различил едва заметную тропу. Она успела зарости, и это хорошо. В последний раз по ней ходили, когда высадились викинги. Но в конце тропы должно быть что-то – хижина или сарай. Все, что уцелело, сейчас дороже золота.

Лес поредел, и впереди замаячила не хижина – косой навес из жердей. Должно быть, лесники хранили здесь свои инструменты и заготовки – колья для заборов, черенки для лопат, сохи для хлипких крестьянских мазанок.

Там не было ни души. Шеф заставил Годиву повернуться к себе лицом, взял за руки и заглянул в глаза.

– Мы потеряли все, – произнес он. – Надеюсь, когда-нибудь у нас появится настоящий дом, и мы будем жить, никого не боясь. Вот почему я пришел за тобой к викингам. Днем идти опасно. Давай-ка хорошенько выспимся до вечера.

Под крышей из грубой дранки лесники соорудили желоб из древесной коры. Он вел к большому треснувшему кувшину, который до краев наполнился дождевой водой: еще одно доказательство того, что сюда не заглядывали неделями. На хворост было навалено старое тряпье. Закоченевшие беглецы легли вплотную друг к другу, укутались и мгновенно провалились в сон.

Шеф проснулся, когда сквозь ветви просочилось солнце. Он встал, стараясь не потревожить девушку, и слез с ложа. Под хворостом нашел камень и огниво. Рискнуть и развести костер? Лучше не надо. Они отогрелись, и у них есть вода, но нет пищи. Не стоило бежать из лагеря с пустыми руками. Только сейчас Шеф задумался о будущем. Когда на тебе одни штаны, любые пожитки кажутся драгоценными.

Шеф сомневался, что их с Годивой побеспокоят. Если это и случится, то не сегодня. Они все еще в пределах досягаемости викингов – тех самых патрулей, которые он видел по пути в лагерь, – но викингам сейчас не до беглецов. Пираты собрались в лагере, считают потери и решают, что делать дальше. Возможно, передерутся из-за начальственных постов. Выжил ли Сигурд Змеиный Глаз? Если да, то даже ему будет трудно восстановить власть над потрепанным войском.

А что же англичане? Шеф знал: когда они с Годивой выбрались из реки и углубились в лес, вокруг находились и другие люди, дезертиры из армии короля Эдмунда – те, что сбежали сразу или решили отступить до перелома в сражении. Все они спешно растеклись по домам. Шеф сомневался, что теперь в радиусе пяти миль от лагеря викингов есть его соотечественники. Они наверняка смекнули, что атака их повелителя захлебнулась и тот погиб.

Шеф надеялся, что Эдмунд мертв, поскольку помнил рассказы своего проводника о том, как поступал с побежденными королями Ивар.

Он расслабленно лежал на одеяле, грелся на солнце. На бедре подрагивала мышца. Шеф ждал, пока перестанет, и рассматривал пузыри на руках.

– Давай проколю.

Годива в рубахе опустилась на колени, держа длинный шип. Шеф кивнул.

Когда девушка занялась его левой кистью и по руке покатались слезы, он сжал ее теплое плечо.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.